

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 51/52

31 декабря 1928 г.

№ 51/52

К десятилетию военных трибуналов.

(1918—1928 г.).

«...свою революционную работу они т.-е. ВТ исполняли блестяще и история революции вообще и Красной армии в частности этого не забудет...»

Н. Крыленко.

Первые революционные военные трибуналы создавались в тяжелые дни 1918 года, когда наши враги всеми способами пытались разложить и деморализовать отдельные части тогда еще молодой и неокрепшей Красной армии и органы ВЧК. Реввоен трибуналы должны были проявить максимум твердости, а где нужно и жесткости, дабы в том или ином участке фронта нанести оглушающие удары белогвардейцам, шпионам, бандитам и шкурникам.

Еще летом 1918 года на отдельных боевых участках гражданской войны, по инициативе местного командования, без санкции центральной власти, начали возникать разные чрезвычайные военно-судебные органы «военно-полевые сессии», «чрезвычайные тройки» и т. д., а в конце июля при штабе 1 армии был организован первый военный трибунал, а в августе — РВТ 3 и 5 армии.

Возникая без всякого плана, не имея никаких руководящих указаний, трибуналы работали в зависимости от того, как их коллегии понимали свои обязанности, и лишь 14 октября 1918 года приказом Реввоенсовета Республики было предписано сформировать Военно-Революционный Трибунал при РСР.

Тем же приказом вновь созданному трибуналу было предложено «создать соответствующие органы, штаты коих представить на утверждение РСР».

Фактически же руководящий военно-судебный орган Реввоен трибунал Республики, или сокращенно РВТР, приступил к своей работе лишь в первой половине декабря 1918 года, когда произошло его первое распорядительное, а затем и судебное заседание.

С организацией Реввоен трибунала Республики работа всех до сего времени возникших на фронтах, при армиях и на отдельных боевых участках реввоен трибуналов — получает больший размах и начинает проводиться по определенному плану.

Место реввоен трибуналов в структуре Красной армии определялось следующим образом: «Реввоен трибунал есть орган соответствующего реввоенсовета, которому политически он подчинен».

Приговоры реввоен трибуналов считались окончательными, обжалованию не подлежали и немедленно приводились в исполнение.

Приговоры реввоен трибуналов к расстрелу приводились в исполнение в течение 24 часов. Право приостановления приведения приговора РВТ в исполнение принадлежало реввоенсоветам, при которых трибуналы состояли, а также вышестоящим реввоенсоветам.

Первое «Положение о революционных военных трибуналах», утвержденное Реввоенсоветом Республики 4 февраля 1919 года, оформляло существование реввоен трибуналов, как органов соответствующих революционных военных советов. Коллегии реввоен трибуналов назначались соответствующими реввоенсоветами. Подсудность РВТ определялась весьма кратко — им были подсудны все «политические» и воинские преступления.

С выходом Положения о РВТ и утверждением их штатов заканчивается период «партизанщины» в работе реввоен трибуналов, а РВТР получает возможность приступить к осуществлению планомерного руководства работой реввоен трибуналов.

Этой централизацией руководства деятельностью реввоен трибуналов заканчивается первый этап их существования.

Хотя по Положению о РВТ предполагалось, что реввоен трибуналы главное свое внимание будут обращать на борьбу с «политическими» и «чисто воинскими» преступлениями — на практике, однако, в условиях гражданской войны, реввоен трибуналы были вынуждены принимать к своему производству также и дела общеуголовного характера, так как в районах боевых действий не могли, конечно, существовать общегражданские суды.

Работа РВТ в 1919—20 г.г. происходила в весьма напряженной обстановке. Постоянное передвижение воинских объединений, а вместе с ними и военных трибуналов, постоянная опасность быть застигнутыми неприятелем сделали из наших трибунальских работников не судей — канцеляристов, а судей-бойцов, готовых в любую минуту совместно со своим отрядом вступить в бой с неприятелем. Не один из них, исполняя свой долг, отдал для революции свою жизнь и здоровье в тяжелые годы гражданской войны.

Быстрота следствия, суд в боевой обстановке на месте совершения преступления, часто на глазах красноармейцев, и, наконец, гибкость репрессий — вот чем отличались реввоен трибуналы от судов общегражданских.

«Карательная политика и методы борьбы РВТ, действовавших в полном контакте с органами особых отделов ВЧК, определялись требованиями обстановки каждого известного периода войны» — писал еще в 1923 году Ф. Э. Дзержинский.

Заключение мира с Польшей, ликвидация Врангеля повлекли демобилизацию нашей армии. С уменьшением численности бойцов сократилось и число военных трибуналов.

23 июля 1921 года ВЦИК издает постановление об объединении всех ревтрибуналов Республики. Согласно этого постановления при ВЦИК'e организовался Верховный Трибунал, а РВТР и все военные трибуналы, за исключением фронтовых и трибуналов, действующих в боевой обстановке, подлежали расформированию.

Функции РВТР перешли к Военной Коллегии Верховного ВЦИК, а функции расформированных реввоен трибуналов—к военным отделениям губернских трибуналов.

Подсудность остающихся РВТ, число которых с 160 сократилось до 21, значительно сузилась; для них были введены единые процессуальные нормы, а приговоры их, вынесенные в мирной обстановке, могли быть обжалованы осужденными в кассационном порядке в Верховный Трибунал ВЦИК.

Во второй половине 1921 и в течение 1922 года реввоен трибуналы вели, главным образом, борьбу с уголовным и политическим бандитизмом, а также с хозяйственными и должностными преступлениями в Красной армии. Особенно тяжелая задача выпала в эти годы на ВТ Туркфронта по борьбе с бандитизмом—басмачеством. Работа в выездных сессиях в горных районах Бухары, в малярийных местах Ферганы, под палящим солнцем пустыни, под угрозой быть убитыми „басмачами“ составила одну из интереснейших страниц истории военных трибуналов.

Трудная и весьма ответственная работа в эти годы выпала и на трибуналы СКВО и 1-й конной армии по искоренению остатков белобандитских отрядов и банд на территории Кубани и Дона.

Военные отделения губрев трибуналов, на которые было возложено обслуживание в судебном отношении частей Красной армии внутренних военных округов, со своей работой не вполне справились. В конце 1921 года и в начале 1922 года со стороны местного военного командования в Реввоенсовет Республики и в Верховный Трибунал ВЦИК стали направляться жалобы о том, что военные дела рассматриваются народными судами и губернскими трибуналами с большим замедлением и что карательная политика, проводимая гражданскими судами, не отвечает интересам Красной армии.

Реввоенсовет СКВО в составе: т.т. К. Е. Ворошилова, А. С. Бубнова и С. М. Буденного писал следующее: „За все время деятельности РВС 1-й конной армии и СКВО был надежным и метким аппаратом реввоенсоветов для сохранения боеспособности и дисциплины армии и для внедрения среди комсостава, политсостава и бойцов начал законности, сознательного выполнения служебных обязанностей и бережного отношения к народному достоянию. Дивизионные отделы РВТ легко подвижные и близкие красноармейской массе... широкой оглаской своих процессов и приговоров выполняют огромную агитационную работу. Организованные в период острого развития политбандитизма выездные сессии РВТ СКВО весьма энергично выполняют свои задания“.

„Нарсуды и военные отделения гражданских трибуналов, организационно оторванные от РВС, не могут проводить карательную кампанию по нужной РВС линии и, ведя свою работу без знания общего движения преступности в войсках, не знают, в какой мере и как следует проводить карательную кампанию. Реввоенсовет принципиально считает нецелесообразным и невозможным заменять РВТ какими-либо другими судебными аппаратами“.

Снова поднимается вопрос о сформировании военных трибуналов в тех военных округах, где таковые были ликвидированы в 1921 году и с весны 1922 года создаются вновь РВТ, сначала в Петроградском военном округе, а затем в Московском и других.

В августе 1922 года военные отделения губрев трибуналов и Военный Отдел Верховного Трибунала Украины расформировываются, и с этого момента руководство всеми реввоен трибуналами снова сосредоточивается в едином органе—Военной Коллегии Верховного Трибунала ВЦИК'а.

Во второй половине 1922 года вступает в силу Уголовный и Уголовно-Процессуальный Кодексы. Создается институт военной прокуратуры и реввоен трибуналы превращаются в чисто судебные органы и все до сего времени принадлежащие им функции надзора переходят к военной прокуратуре.

Для приближения суда к красноармейской массе, военные трибуналы стали чаще практиковать выезды в казармы, устройство „показательных“ процессов, а также стали привлекать к работе трибуналов представителей от воинских частей в качестве „временных“ членов трибуналов.

Организация Верховного Суда Союза ССР в начале 1924 года и включение в его состав Военной Коллегии внесли полную организационную ясность в структуру органов военной юстиции. Прекратились разговоры о ликвидации военных трибуналов. ВТ завоевали свое право на существование, ибо своей работой в армии доказали свою необходимость не только в условиях войны, но и в условиях мира. Борьба с разного рода нарушением дисциплины в воинских частях, борьба с хищениями, растратами и другими преступлениями неустойчивых элементов армии—вот та основная работа, которая проводится ВТ в условиях мирной жизни страны. Рассмотрение наиболее бытовых и серьезных дел в расположении воинской части, популяризация приговоров в красноармейской печати, беседы и приказы имеют большое воспитательное значение и содействуют поднятию сознательной дисциплины красноармейцев.

С организацией Верховного Суда Союза ССР военные трибуналы были изъяты из системы республиканских судов и превратились в судебные органы Союза, но раздробление кассационной практики по приговорам военных трибуналов между верховными судами союзных республик привело к некоторому разному судебной политики в РККА.

Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 20 августа 1926 г. было введено в действие „Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре“, которое, предоставив Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР право кассационной инстанции для всех военных трибуналов всего Союза, окончательно санкционировало существование военных трибуналов, точно определив их функции, подсудность, организацию и взаимоотношения с НКЮ союзных республик.

Работа военных трибуналов с этого времени вошла в нормальную колею, так как непосредственное руководство их деятельностью было сосредоточено в одном центре—Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

В ноябре 1926 года был введен институт временных членов военных трибуналов, который еще крепче связал военные трибуналы с Красной армией, предоставив рядовому и начальствующему составу возможность активно участвовать в повседневной работе суда.

Если в эпоху гражданской войны основной целью организации военных трибуналов была борьба последних с преступлениями, подрывающими крепость и мощь Красной армии и флота и в особенности с преступлениями, подрывающими воинскую дисциплину, то сейчас, в эпоху мирного строительства, задачей военных трибуналов и военной прокуратуры является уже не только борьба с этими преступлениями и содействие командованию в поддержании дисциплины, но и внедрение в сознание красноармейской массы начал революционной законности.

Если и прежде военные трибуналы изменяли свою карательную политику, то в стороны усиления, то осла-

бления репрессии, в зависимости от смены фаз гражданской войны, то и теперь применение мер социальной защиты, в сторону ли их повышения или понижения, должно базироваться не только на формальном применении тех или иных уголовных законов, а и на учете роста или ослабления тех или иных болезненных явлений в Красной армии и ее отдельных объединениях.

Борьба со злостными или систематическими нарушениями правил воинской дисциплины и воинского распорядка, борьба с хищением и растратой военного имущества, борьба с преступлениями, дискредитирующими звание красного воина вообще, красного командира в особенности, и, наконец, борьба с преступными проявлениями расхлябанности, волокиты, бюрократизма, — таковы ближайшие задачи военных трибуналов в условиях мира, в условиях социалистического строительства нашей страны.

Если же наша Красная армия будет призвана к активной защите границ страны Советов, то и наши военные трибуналы, неразрывно связанные с армией и помня свои боевые традиции, сумеют, надеюсь, выполнить свои тяжелые обязанности по укреплению ее боеспособности во всяком случае не хуже, чем они это делали в суровые годы интервенции и блокады, а работа РВТ в те годы, говорил Ф. Э. Дзержинский, — „была проделана громадная, а значение их в деле борьбы с врагами пролетариата будет занесено в историю гражданской войны...“

В. Ульфих.

Бытовые преступления в ЗСФСР.

Низкий культурный уровень населения Закавказья, находящегося в соседстве с такими отсталыми странами, как Персия и Турция, первобытные способы хозяйствования и чрезвычайно слабое развитие всей экономики края, в соединении со старой колонизаторской политикой царского самодержавия, задерживавшего культурный и экономический рост окраин бывшей Российской империи, служили наиболее благоприятными условиями для сохранения и упрочения пережитков родового быта, религиозного фанатизма, бесправия женщин, беспримерного идейного влияния духовенства, рабского подчинения всему, что от бога, от шариата, от религии.

Октябрьская революция, в корне изменившая не только политическую систему управления государством, но и открывшая широкие пути экономического и культурного расцвета перед дремавшими до нее окраинными областями, не могла, конечно, также быстро и радикально изменить самое культурное состояние народных масс, искоренить одним ударом вековое невежество и связанные с этим невежеством бытовые пережитки.

Борьба на этом фронте, на фронте поднятия культуры, на фронте борьбы с тормозами культурного развития, к числу которых надо отнести и бытовые пережитки, должна была вестись и велась двумя путями: путем культурно-просветительного воздействия на массы и путем репрессий против пережитков, унижавших человеческую личность, нарушавших экономическое благосостояние трудящихся и державших в кабале женщину Востока.

Все эти меры, как по культурно-просветительному воздействию, так и по уголовному преследованию, велись в Закавказье, по конституционным его особенностям, самостоятельно тремя основными республиками, образующими Закавказскую федерацию.

Руководство, осуществляемое в этом отношении со стороны верховного федеративного органа ЗакЦИК'а, заключалось в даче указаний по основным вопросам методов борьбы с пережитками старого быта и в верховном контроле над республиканскими органами, проводившими конкретные меры борьбы.

В настоящее время президиум ЗакЦИК'а вплотную подошел к вопросу о согласовании уголовного законодательства республик, входящих в состав ЗСФСР, по бытовым преступлениям, занимающим в условиях ЗСФСР особое положение и составляющим сильнейшее препятствие в деле проведения культурной революции.

Преступления, связанные с пережитками родового быта, предусмотрены во всех уголовных кодексах республик, входящих в состав Закавказской федерации, а именно: в уголовных кодексах Азербайджанской ССР, ССР Армении и ССР Грузии, при чем, в то время, как в кодексах последних двух республик ССР Армении и ССР Грузии эти преступления выделены особо (в уголовном кодексе ССР Армении, гл. VII „Бытовые преступления“ ст.ст. 188—192, а в ССР Грузии особо приложенное к уголовному кодексу „Положение о бытовых преступлениях, составляющих пережитки родового быта“ ст.ст. 1—7), в уголовном кодексе Азербайджанской ССР эти преступления вошли в самый кодекс и включены частью в главу об иных преступлениях против порядка управления (ст.ст. 119—121) и частью — в главу о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст.ст. 172, 173 и 188—191).

Бытовые преступления, предусмотренные в уголовных кодексах республик, входящих в состав ЗСФСР, можно было бы по их характеру разделить на следующие:

а) бытовые преступления, связанные с представлением о женщине, как о вещи;

б) бытовые преступления против лиц, не достигших половой зрелости или брачного возраста, и

в) кровная вражда.

Наиболее распространенными по ЗСФСР, трудно поддающимися искоренению, а потому требующими особого внимания к себе, преступлениями являются преступления, связанные с представлением о женщине, как о вещи, и направленные против ее личности и достоинства. Эти преступления, унижающие достоинство жерщины, неправой гражданки советского государства, и мешающие окончательному и действительному раскрепощению ее, главным образом, основываются на шариате, т. е. на исламской религии, и потому наиболее распространены в Азербайджанской ССР и в отдельных районах ССР Армении и Грузии, населенных мусульманским населением.

В представлении религиозно настроенного и фанатичного мусульманина (магометанина) женщина не является свободной личностью, она подчинена мужчине — будь это мужчина — отец, брат, сын или жених, муж. Она не имеет самых элементарных человеческих прав. Она не имеет права свободного распоряжения собою, права вступления в брак и развода. В то время, как мужчине разрешено, по правилам шариата, иметь одновременно четырех законных (кабинных) жен и неограниченное количество жен временных (сийга), женщине не дано права требовать себе развода ни при каких условиях. Такое отношение к женщине, устанавливавшееся веками, конечно, не может быть уничтожено одним ударом, в порядке декрета, а требует продолжительной и упорной борьбы. Такая борьба ведется, главным образом, в Азербайджане как государственными органами власти, Наркомюстом, Наркомпросом и др., так и общественно-политическими

организациями, женскими клубами и пр. При чем к мерам культурной борьбы относятся: открытие специальных женских организаций, клубов, кружков, артелей и пр.; устройство показательных процессов над нарушителями прав женщины—гражданки советской республики; организация специальных агитационно-пропагандистских бюро при Наркомюсте и уездных прокурорах, ведущих разъяснительную кампанию на широких собраниях трудящихся, в клубах и др., выставляющих общественных обвинителей, ведущих соответствующую работу среди народных заседателей и рабочих, и сельских корреспондентов; организация юридической помощи населению, в особенности женщинам при народных судах, комитетах тружениц, домах крестьянина, бюро жалоб при РКИ и пр.; работа профессиональных организаций среди своих членов; популяризация советских законов, касающихся раскрепощения женщины как путем массовых докладов, так и путем издания популярной юридической литературы и т. д.

Параллельно с указанным рядом культурных мероприятий, существенно необходимым является и борьба с бытовыми преступлениями в порядке уголовного преследования.

В этом отношении по Закавказью мы наблюдаем следующую картину.

Прежде всего, уголовные кодексы республик, входящих в Закавказскую федерацию, открывают борьбу с преступлением, имеющим в основе своей взгляд на женщину, как на вещь, на товар, на объект купли-продажи.

В соответствии с этим, уголовные кодексы ССР Армении (ст. 191) и ССР Грузии (ст. 3 „Положения о преступлениях, составляющих пережитки родового быта“) устанавливают санкцию как за уплату выкупа (калыма) за невесту, так и за принятие его—лишение свободы до двух лет.

Выкуп конфискуется целиком, или принявший его подвергается штрафу в размере выкупа.

В отличие от ССР Грузии, уголовный кодекс ССР Армении допускает замену лишения свободы до 2 лет штрафом до 500 руб. В резолюции президиума ЗакЦИК'а, принятой в связи с докладом о бытовых преступлениях, указано на необходимость изменения первой части указанной статьи Уг. Код. ССР Армении, с исключением замены лишения свободы штрафом и уточнения редакции второй части той же статьи.

По Азербайджанской ССР преступление в виде уплаты и принятия выкупа (калыма) не предусмотрено, не предусмотрена продажа женщины ее родителями или лицами, в отношении коих она является материально или по какой-либо причине зависимой, а равно покупка ее (ст. 190), при чем установлена санкция в виде лишения свободы со строгой изоляцией до 10 лет.

Приведенная статья, в иных словах квалифицирующая институт калыма, но не указывающая основных признаков калыма, а именно: цели продажи—вступление в брак, и субъекта купли-продажи—женыха, и устанавливающая максимальную меру наказания, по предложению президиума ЗакЦИК'а, подлежит изменению в смысле приближения ее редакции к соответствующим статьям уголовных кодексов других республик, входящих в ЗСФСР, или совершенному исключению ее из уголовного кодекса АССР, если института калыма в этой республике не имеется.

В целях борьбы против власти родителей и родственников над женщиной в вопросах брака, все уголовные кодексы, действующие на территории ЗСФСР, предусматривают санкцию за принуждение женщины к всту-

плению в брак вопреки ее воле, при чем по Азербайджану и Грузии установлено лишение свободы до 3 лет (ст. 188 Уг. Код. Азербайджана и ст. 4 „Положения“ Грузии), а по Армении лишение свободы до 2 лет (ст. 189 Уг. Код. Армении). В резолюции, принятой президиумом ЗакЦИК'а, предложено ЦИК'у Армении согласовать эту статью с соответствующими статьями уголовных кодексов других республик и увеличить санкцию до 3 лет.

Особенностью Уг. Код. Азербайджана является то, что он защищает в этой статье не только права женщины, но и права мужчины, имея в виду, что право свободного вступления в брак одинаково нарушается по обычаю как в отношении женщин, так и в отношении мужчин.

Соответственно отмечено в уголовных кодексах республик, входящих в состав ЗСФСР, также и широко практикующееся здесь, почти исключительно в деревнях, похищение женщины, с целью вступления с нею в брак без ее на то согласия. Этот обычай похищения тесно связан со старым бытом и имеет в своей основе отсутствие у женщины права свободного распоряжения собственной судьбой. Мотивы похищения бывают разные: похищает любимую женщину бедняк, не имеющий возможности уплатить ее родителям большого калыма или не выдерживающий подчас очень крупных расходов, связанных с обрядами брака; похищает женщину кулак, боящийся лишиться ее или не достигающий соглашения с ее родителями относительно размера выкупа; похищение производится часто и по соглашению невесты и жениха.

Уголовные кодексы республик Закавказской федерации предусматривают похищение женщины помимо ее воли, не вдаваясь в мотивы похищения.

По Грузии статья о похищении не вошла в „Положение о преступлениях, составляющих пережитки родового быта“, а помещена в самом уголовном кодексе, в главе о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, в разделе о телесных повреждениях и насилиях над личностью (ст. 162), при чем эта статья различает два вида похищения: 1) похищение девицы или незамужней женщины с целью вступления с нею в брак или половую связь без ее на то согласия, а равно похищение замужней женщины, без ее на то согласия, санкция—лишение свободы до 3 лет, и 2) похищение не достигшей брачного совершеннолетия, с целью вступления с нею в половую связь, независимо от того, последовало ли на то ее согласие или нет, санкция—лишение свободы до 8 лет.

Устанавливая различные санкции для похищения женщины, достигшей брачного возраста, и для похищения женщины, не достигшей этого возраста, эта статья не различает целей похищения, в то время, как Азербайджанский уголовный кодекс, не различая возраста пострадавших, различно карает по целям похищения, а именно: за похищение женщины или увоз ее обманным путем, с целью вступления с нею, против ее воли, в брак устанавливается лишение свободы до 5 лет (ст. 189), а за то же самое действие, произведенное с целью продажи, помещения в притоны разврата или для какой-либо иной цели (очевидно, и с целью вступления с нею в половую связь), устанавливается лишение свободы со строгой изоляцией до 10 лет (ст. 191).

В отличие от уголовных кодексов Азербайджана и Грузии, уголовный кодекс Армении предусматривает лишь похищение женщины для вступления с нею в брак против ее воли (ст. 188) и устанавливает как для похитителей, так и для их соучастников, лишение свободы до 2 лет.

Принимая во внимание такой разноречивый как в смысле квалификации преступления, имеющего одинаково быто-

вые корни во всех республиках, входящих в Закавказскую федерацию, так и в смысле карательной политики в отношении лиц, совершивших это преступление, и считая необходимым устраниение этого разнобоя, Президиум ЗакЦИК'а предложил ЦИК'ам республик, входящих в состав федерации, переработать соответствующие статьи, примерно, в следующем виде:

„1) Похищение женщины, с целью вступления с нею в брак или половую связь, без ее на то согласия, влечет за собою лишение свободы до пяти лет“.

Указанная санкция (до пяти лет) соответствует санкции, установленной по Грузии (ст. 170) и Армении (ст. 153) за изнасилование. При этом ЦИК'у Азербайджана рекомендовано изменить ст. 195 УК, установив за изнасилование вместо 8 лет до 5 лет.

„2) Похищение несовершеннолетней, с целью вступления с нею в половую связь независимо от ее на то согласия, а также похищение женщины для продажи, помещения в притоны разврата или для какой-либо иной цели влечет за собою лишение свободы до 8 лет“.

Уголовные кодексы республик, входящих в состав ЗСФСР, предусматривают также сильно распространенное среди мусульманского населения многоженство, защищаемое шариатом, но и в данном вопросе наблюдается большое разнообразие как в квалификации преступления, так и в установлении санкций.

По Армении (ст. 192 УК) двоеженство или многоженство влечет за собой лишение свободы до 2 лет или штраф до 500 рублей.

По Грузии (ст. 7) карается лишением свободы до 1 года двоеженство или многоженство, осуществляемые в формах религиозно-бытовых пережитков некоторых народностей (имеются в виду народности, исповедующие ислам).

По Азербайджану (ст. 119) устанавливается лишение свободы до 3 лет за вступление при существующем зарегистрированном в установленном порядке или религиозном браке в новый хотя бы и религиозный брак, если притом фактическое сожительство с прежним супругом продолжается.

По УК Азербайджана карается не только многоженство, имеющее определенные исторические и бытовые корни среди мусульманского населения ЗСФСР, но и многоженство, не имеющее здесь никаких корней.

Кроме того, приведенная редакция ст. 119 УК Азербайджана оставляет открытым вопрос о так называемых подклябинных женщинах. Дело в том, что по шариату, как было уже указано выше, мужчина может иметь нескольких жён, в то время, как женщина более одного мужа иметь не может; женщина не может также получить развода от мужа, если он на то не согласен. Эта догма корана настолько крепко усвоена мусульманским населением, что, несмотря на вполне определенное указание советского закона на право женщины свободно расторгать свои брачные связи, ни женщина не считает для себя возможным пользоваться этим своим правом, идущим в разрез с положениями корана, ни мужчина-магометанин не допускает мысли о возможности жениться на женщине, не освобожденной от религиозного брака по требованиям же религии.

В результате получается такое положение, когда мужчина, регистрируя развод с женой в органах ЗАГС'а, вновь может вступить в брак, за что его не карает ни советский закон (если он фактического сожительства с прежней женой не продолжает), ни шариат, а женщина, находясь под сильным влиянием религии, не может вступить в новый брак, пока не будет расторгнут ее брак

с прежним мужем по всем правилам шариата. Если бы даже она и решила разорвать шариатские цепи и пожелала вступить в брак, то не нашелся бы, пожалуй, ни один мужчина среди мусульман, который мог решиться на вступление в брак с такой женщиной, находящейся в нерасторгнутом религиозном браке с другим мужчиной. В этом случае препятствием для мужчины служил бы не только запрет шариата, но и боязнь мести со стороны прежнего мужа; к тому же такая месть диктуется установившимся обычаем, она обязательна для мужчины, на „законную“ жену которого сделано определенное посягательство со стороны другого. В конечном итоге, советский закон, предоставляющий женщине полное право распоряжения собою в смысле вступления в брак после регистрации развода в установленном порядке, оставляет ее совершенно беззащитной перед лицом религиозных предрассудков ее самой и окружающей среды и перед лицом мужа, который, пользуясь, с одной стороны, этими предрассудками, а с другой,—новомещательством советского законодательства в религиозные отношения граждан, держит ее, свою разведенную в установленном законом порядке жену, под клябином, т.е. фактически лишает ее возможности вступить в новый брак.

Считая ненормальным такое положение женщины, когда предоставленное ей советским законом право, в силу бытовых условий и еще неизжитых обычаев, может быть превращено по воле бывшего мужа в фикцию, Президиум Зак. ЦИК'а нашел необходимым дать директиву АзЦИК'у о необходимости установления санкции за воспрепятствование в какой бы то ни было форме супругу, разведенному в установленном законом порядке, вступить в новый брак.

Далее, для согласования санкций, установленных в кодексах республик ЗСФСР за многоженство (Грузия—до 1 года, Армения—до 2 лет или штраф до 500 руб., Азербайджан—до 3 лет), Президиум ЗакЦИК'а нашел необходимым установление одинаковой санкции по всем республикам, а именно лишение свободы до 2 лет.

Кроме этих общих мер по защите прав женщины от посягательств со стороны мужчин, имеются еще и другие нормы, предусмотренные в уголовных кодексах Азербайджана и Грузии. Эти нормы диктуются местными особенностями и сводятся к следующему.

Азербайджанский уголовный кодекс устанавливает лишение свободы до 1 года (ст. 121, ч. II) за воспрепятствование как обрученной, так и вообще всякой женщине посещать школы, клубы и другие культурно-просветительные учреждения в целях противодействия ее образованию и политическому воспитанию.

Тот же кодекс отличает от умышленного убийства убийство женщины на почве ее раскрепощения и осуществления ею своих прав (ст. 173), устанавливая для данного случая ту же санкцию, какая установлена для умышленного убийства из низменных побуждений (ст. 171), а именно, лишение свободы со строгой изоляцией до 10 лет, а при наличии особо отягчающих обстоятельств не ниже 5 лет.

Уголовный кодекс Грузии устанавливает лишение свободы до 1 года за воспрепятствование женщине к свободному вступлению в брак со стороны лица, имеющего в силу обычая преимущество на вступление с нею в брак (6). Указанная мера диктуется местными особенностями и обычаями некоторых народностей, населяющих Грузию, в силу которых преимущественное право на вступление с женщиной в брак принадлежит тем или другим родственникам или собственникам женщины.

Не менее существенной в условиях ЗСФСР является защита лиц, не достигших половой зрелости или брачного возраста, главным образом, лиц женского пола. Выдача замуж девочек, еще не достигших половой зрелости, широко практикуется среди всех народностей, населяющих ЗСФСР. А среди мусульманского населения практикуется еще и обручение малолетних детей. Этот обычай, как и обычай заключения ранних браков, глубоко действует на детское воображение девочки, лишает ее возможности посещать школу, связывает ее, под страхом мести со стороны жениха и его родни, с нареченным, лишает ее свободного выбора для себя супруга, не говоря уже о том, что осуществление раннего брака тяжело отзывается на здоровье девочки.

Уголовные кодексы республик, входящих в Закавказскую Федерацию, устанавливают определенную санкцию за вступление в брак с лицами, не достигшими брачного возраста (Азербайджан и Грузия) и не достигшими половой зрелости (Армения), в то время как Уголовный Кодекс РСФСР предусматривает и тот и другой вид преступления (ст. 198), устанавливая для них различные меры социальной защиты.

Азербайджанский уголовный кодекс устанавливает лишение свободы до 3 лет и со строгой изоляцией до 5 лет (при повторности) за вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста (ст. 120).

Уголовный кодекс Грузии карает лишением свободы со строгой изоляцией до 3 лет как за вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, так и за принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников (ст. 5).

В то время как уголовные кодексы Азербайджана и Грузии карают за вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, уголовный кодекс Армении карает за вступление в брак с лицом мужского или женского пола, не достигшим половой зрелости, и за принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников (ст. 190), при чем применяются меры социальной защиты, предусмотренные ст. ст. 177 и 178, а именно лишение свободы на срок до 5 лет или до 10 лет, в зависимости ототягчающих обстоятельств.

Для приведения в согласование указанных статей уголовных кодексов республик, входящих в состав ЗСФСР, Президиум ЗакЦИК'а рекомендовано республиканским ЦИК'ам изменить приведенные статьи на следующих основаниях.

1) Вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста или принуждение к заключению такого брака влечет за собой лишение свободы сроком до 3 лет.

2) Вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости или принуждение к заключению такого брака влечет за собой—меры социальной защиты, предусмотренные ст. 193 (для Азербайджана), ст. 177 (для Армении) и ст. 167 (для Грузии).

Азербайджанский уголовный кодекс карает не только за вступление в брак, но и за обручение с лицом, не достигшим брачного возраста (ст. 120, ч. I), имея в виду распространенность обряда раннего обручения среди основного населения Азербайджана, обряда, передающего власть над обрученной женой, который очень часто чинит препятствия будущей жене своей продолжать учение или вести ею избранный образ жизни.

В отношении подобных преступников применяется мера социальной защиты в виде лишения свободы до 1 года.

Другие республики, входящие в Закавказскую Федерацию, не предусматривают этого вида преступлений, т. к.

на их территории эти преступления массового характера не имеют.

Остается сказать еще об одном виде преступлений, связанных с пережитками родового быта, о кровной вражде, которая за последнее время заметно изживается, а в некоторых областях федерации (Армения) уже окончательно изжита.

Этот вид преступления предусмотрен уголовными кодексами Азербайджанской ССР и ССР Грузии.

В ССР Армении же к случайным проявлениям кровной вражды и к убийствам на этой почве применяется соответствующая статья уголовного кодекса об умышленных убийствах из низменных побуждений.

Особое распространение этот вид пережитков имеет по Грузии (Юго-Осетия и Абхазия), и уголовный кодекс этой республики предусматривает не только убийство, совершенное по обычаю кровной мести (ст. 1), но и принятие имущественного вознаграждения родителями, родственниками или родом убитого от убийцы, его родителей, родственников или рода в качестве выкупа, освобождающего от мести и законного преследования, а также и уплату выкупа (ст. 2).

При чем за убийство, совершенное по обычаю кровной мести, установлено лишение свободы со строгой изоляцией не ниже 3 лет; за уплату выкупа установлено лишение свободы до 1 года, а за принятие—та же мера и конфискация полученного выкупа или штраф в размере его стоимости.

В Азербайджанском уголовном кодексе предусмотрено только умышленное убийство, совершенное на почве кровной вражды, влекущее за собой лишение свободы со строгой изоляцией до 10 лет, а при наличии особо отягчающих обстоятельств—лишение свободы со строгой изоляцией не ниже 5 лет (ст. 172). Эта мера (до 10 лет) несколько выше той, которая установлена для умышленного убийства (ст. 174, до 8 лет), и соответствует санкции, установленной для умышленного убийства из низменных побуждений (ст. 171).

Особенностью приведенных статей уголовных кодексов Азербайджана (ст. 172) и Грузии (ст. I) является то, что они, вопреки ст. 2 основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (С.З. Союза ССР, 1924 г. № 24, ст. 205), указывают не высший предел меры социальной защиты, а предел, ниже которого суд не может назначить меру социальной защиты (по Грузии не ниже 3 лет, а по Азербайджану не ниже 5 лет). Для приведения указанных статей кодексов Азербайджана и Грузии в соответствие с основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик Президиумом ЗакЦИК'а предложено:

ЦИК'у Грузии изменить редакцию ст. I Положения о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, изложив ее в следующем виде:

Убийство, совершенное по обычаю кровной мести, влечет за собой лишение свободы на срок до 10 лет со строгой изоляцией и ЦИК'у Азербайджана—отменить II ч. ст. 172 уголовного кодекса.

К перечисленному виду преступлений можно отнести также ряд преступлений, связанных с религиозными предрассудками или реакционными обычаями.

Так, например, в некоторых районах Грузии принято рожениц выставлять на время родов из дома и помещать их в хлев без какого бы то ни было ухода впредь до полного очищения, при чем предоставленная себе женщина рождает без всякой помощи и даже сама обрывает ребенку пупок. То же самое практикуется и в отношении женщин на время их менструирования.

Республиканская власть ведет усиленную борьбу с этим обычаем путем проведения разъяснительной кампании и открытия сети врачебно-санитарных пунктов, но виновные в совершении такого дикого надругательства над женщиной-матерью привлекаются и к уголовной ответственности по ст. 163, карающей лишением свободы или принудительными работами на срок до 1 года за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении или лишенного возможности самоохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице.

Разумеется, одним уголовным преследованием добиться искоренения этого дикого обычая невозможно. Тут требуется широкое развитие сети культурно-просветительных и лечебно-санитарных учреждений.

Не менее диким обычаем является и так называемый „пахсей-вахсей“, самоистязание, имеющее место среди мусульманского населения Закавказья. В известные дни месяца магеррама мусульмане устраивают шествия, оплакивая убитых в борьбе за халифат потомков пророка, так называемых имамов, и в десятый день этого месяца, собираясь группами, навесят себе холодным оружием раны, протыкают тело всевозможными кусками железа, замками, спицами, кольями и т. д.

Этот обычай, перенесенный в Закавказье из Персии во второй половине прошлого столетия, основан на религиозном фанатизме и на твердой вере, что всякий, умерший за своих имамов (шехид), получит царствие небесное и попадает в обещанный Магометом рай.

За последние годы эти шествия запрещены во всех республиках, входящих в Федерацию. Виновные в нарушении соответствующих постановлений ЦИК'ов республик, входящих в состав ЗСФСР, привлекаются к уголовной ответственности, но специальных статей, карающих за участие в указанных шествиях и самоистязаниях, в уголовных кодексах не имеется.

В уголовных кодексах не предусмотрено также участие в религиозных празднествах секты, известной под названием „мюридизм“. Празднества эти заключаются в том, что последователи этой секты, мужчины и женщины от 9 лет и выше, собираются в известные дни в своих молитвенных домах и по окончании обряда устраивают танцы с молитвами. В результате неистовой пляски фанатически настроенные люди приходят в религиозный экстаз, срывают в себя одежду, тупат свет и валяются на пол. И тут воспаленные половые страсти находят свое удовлетворение.

Для искоренения этого обычая ведется борьба, преимущественно, против вдохновителей и главарей этой секты. И эта борьба увенчивается полным успехом после изоляции этих вдохновителей.

Таким образом, ведя, с одной стороны, усиленную культурно-просветительную работу среди широких масс населения, еще подверженных влиянию реакционного духовенства и дедовских традиций, а с другой, твердой рукой искореняя наиболее вредные пережитки старого быта—изолируя, особо воспитывая и исправляя наиболее упорных последователей отживающих обычаев, советская власть в Закавказье медленно, но верно, строит новый быт и внедряет основы социалистической культуры.

Ф. Мельников.

Тифлис.

Нужно сделать выводы.

(Убийство Патимат Умахановой — делегатки и общественницы).

Октябрьская революция дала женщине одинаковые с мужчиной политические и экономические права. Но для того, чтобы женщина могла воспользоваться ими на деле, необходима долгая, упорная, систематическая борьба прежде всего со стороны самих женщин. В этой борьбе особенно тяжело приходится женщине национальных областей, в частности Дагестанской Автономной Советской Республики, где мусульманское духовенство и кулачество ведут агитацию против раскрепощения женщины, в частности, против женского просвещения, и где до сих пор существуют такие вредные обычаи, как ранние браки с выдачей замуж девочек 10—16 лет, многоженство, калым (уплата женихом родителям или родственникам невесты денежного или имущественного вознаграждения в размере 50—1000 рублей, в зависимости от красоты невесты и богатства ее родителей; чем богаче родители невесты и чем она красивее, тем выше калым). Без уплаты калыма родители не выдадут своей дочери, и брак не может состояться, кроме случая похищения женихом невесты. Калым является чрезвычайным вредным обычаем, во-первых, потому, что он бьет прежде всего по интересам женщины, превращая ее в товар, которым торгуют ее родители или родственники, во-вторых, калым идет больше всего на пользу зажиточных хозяйств, которые получают самый высокий калым и, в-третьих, от необходимости уплаты калыма разоряются бедняцкие маломощные хозяйства и многие толкаются на совершение преступлений, будучи не в состоянии добыть в своем хозяйстве средства для уплаты калыма. И здесь нужно отметить, что во многих автономных республиках и областях калым является одним из источников, питающих развитие скотоконократства.

Несмотря на все трудности, женщина в Дагестане с помощью Коммунистической партии и Советской власти при содействии различных организаций (женотделы, комиссии по улучшению труда и быта горянок), начинает успешно бороться за свое освобождение от власти вредных обычаев и за полное равенство с мужчиной, при чем в этой борьбе женщин не останавливают те серьезные жертвы, которые нередко приходится им нести. Такова история с убийством Патимат Умахановой, имевшим место в августе 1928 г. История и причины этого зверского убийства таковы¹⁾. Патимат Умаханова, которой в момент убийства было 20 лет, кумычка по национальности из Хасафюртовского округа, несколько лет тому назад вышла замуж за Гасанова, 43 лет от роду. Гасанов, по происхождению аварец, родом из аула Ушуккуль, имел в последнем первую жену, с которой он не развелся и которая следила за его хозяйством, пока он занимался отхожими промыслами в главном городе Дагестанской Автономной области Махач-Кале (бывш. Петровск). По свидетельству соседей, Гасанов очень скверно обращался с Патимат, отбирал у нее ее скудный заработок по работе в прачечной и отсылал деньги своей первой жене, в то время как Патимат приходилось жить впроголодь и ходить полураздетой. Помимо всего этого Гасанов препятствовал жене заниматься общественной работой, не пускал ее на собрания, в клуб, на занятия по ликвидации неграмотности. Наконец, она решила уйти от мужа и

¹⁾ Случай описан по материалам обследования т. Штейнберга, Е. Л.—сотрудника Научной ассоциации Востока.

начала самостоятельную жизнь: она стала активно работать в Доме Горянки (крестьянки), посещать все собрания, при чем в короткий срок ликвидировала свою неграмотность. В общем, через небольшой промежуток времени Патимат превратилась в одну из лучших и активнейших работниц среди женщин дагестанской организации. Гасанов не оставил в покое Патимат и после ее ухода он потребовал ее возвращения домой и не давал ей развода по шариату (Шариат—это собрание религиозных законов. В Дагестане, кроме развода в ЗАГС'е, старинный обычай требует, чтобы развод был совершен еще и по шариату, т.е. мусульманским кадием (священником). Если женщина получит развод в ЗАГС'е, но не получит развода от кадия, она не сможет выйти вторично замуж, ибо никто не пожелает на ней жениться. Патимат обратилась за защитой в нарсуд, который обязал Гасанова выплачивать жене по 20 руб. ежемесячно до тех пор, пока он не даст ей развода по шариату. Чтобы избавиться от платежа этих 20 рублей, Гасанов явился с женою к местному кадию, чтобы дать жене развод. За отсутствием кадия, обряд развода совершил его заместитель (будун).

На основании этого свидетельства о разводе Гасанов был освобожден от выплаты ежемесячных алиментов жене, и в то же время он и не думал оставлять в покое Патимат, являлся к ней на квартиру без приглашения, вновь требовал от нее возвращения для совместного жительства, прекращения общественной работы, сопровождал свои требования угрозою убийства. При этом Гасанов объяснял, что Патимат попрежнему считается его законной женой, ибо полученный развод является неправильным и ненастоящим, как совершенный не кадием, а его заместителем, между тем как по объяснению самого кадия, развод Патимат совершен по всем правилам шариатского развода. Жизнь Патимат стала невыносимой: постоянные угрозы мужа и его преследования не давали ей возможности свободно отдаться общественной работе. Чтобы избавиться от преследований Гасанова, Патимат обратилась за защитой к органам милиции, но там стали на формальную точку зрения, заявив, что ничем не могут помочь за отсутствием фактов и доказательств, как будто жалоба, поданная непосредственно потерпевшей, являлась не лучшим доказательством преступных приготовлений к убийству со стороны Гасанова. В данном случае, если бы милиция не подошла к жалобе Патимат с формальной, бездушной точки зрения, она должна была бы, приняв во внимание обстоятельства настоящего дела, настойчивые преследования и неоднократные угрозы убийством со стороны Гасанова, привлечь последнего к ответственности за приготовление к убийству одной из активнейших деятельниц и участниц немногочисленной молодой женской организации Дагестанской Республики с немедленным взятием Гасанова под стражу с самого же начала и этим самым было бы предупреждено последующее убийство Патимат и значительно облегчена общественная работа десятков и сотен других Патимат, жадно протягивающих руки к коллективной деятельности. В результате всего, Патимат, предоставленная самой себе и фактически очутившаяся в полном распоряжении ее бывшего мужа, была убита 7 августа 1928 года в г. Махач-Кале при следующих обстоятельствах: Гасанов, встретив ее на улице, стал ей вновь угрожать убийством и принудил ее пойти с ним к кадию. Последний, видя, что дело принимает серьезный оборот, пошел за милиционером, Гасанов, не стесняясь присутствием милиционера, на глазах последнего, кинжалом, спрятанным под рубашкой, нанес Патимат

шесть глубоких ран, от которых несчастная тут же скончалась.

Прокуратура Дагестанской Республики совершенно правильно передала убийцу Патимат суду по той статье нашего закона (58^я статья Уголовного Кодекса), по которой назначается расстрел с конфискацией всего имущества гражданам, организующим террористические акты против деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. 31 августа 1928 г. дело по обвинению Гасанова в убийстве Патимат было заслушано в Дагестанском Главсуде, при чем Гасанов был признан виновным по 136 статье Уголовного Кодекса, т.е. в обыкновенном умышленном убийстве из низменных побуждений и приговорен на 10 лет лишения свободы с поражением прав на 5 лет.

Убийство Патимат и сравнительно мягкий приговор убийце имели в результате три вредных последствия: во-первых, после убийства Патимат участились случаи изуверства и истязания горянок со стороны мужей: ежедневно в женотдел Дагестанского ЦИК'а приходили с жалобами окровавленные женщины-горянки с тяжкими увечьями и ранами, во-вторых, после приговора многие матери-горянки стали заявлять, что отзовут своих дочерей из комсомола, из школ, клубов, ибо не хотят идти на верную гибель, и, в-третьих, в результате приговора еще более усилилась волна преследований женщин-общественниц. Так, на другой день после приговора одна из свидетельниц, выступавших на суде, явилась в женотдел Дагестанского ЦИК'а и заявила, что после суда к ней в дом явился бывший муж ее дочери-комсомолки, бывший член Партии, ныне работающий в Махач-Калинском окрисполкоме, стал издеваться над ними, угрожать убийством, говоря, что „все равно больше, чем на два года в тюрьму не посадят“. В результате он избил одну из дочерей свидетельницы, при чем вызванный милиционер ограничился только тем, что вывел негодяя из квартиры только для того, чтобы отпустить его на свободу.

Нам думается, что случай с убийством Патимат Умахановой обязывает нас всех, и в первую очередь Дагестанских товарищей, сделать ряд выводов:

1) Прежде всего приговор по вышеуказанному делу должен быть немедленно опротестован в порядке надзора прокурором Дагестанской Республики (если это не сделано до сих пор или не принесен кассационный протест).

2) Затем, как прокуратура Дагестанской Республики, так и прокуратура всех районов СССР должна настойчиво добиваться от органов милиции оказания энергичной и своевременной помощи женщинам, в особенности активисткам-общественницам, во всех случаях обращения с жалобами на истязания или угрозы убийством, при чем виновные должны немедленно задерживаться и доставляться ближайшему прокурору для привлечения к ответственности.

3) И, наконец, лица, виновные в убийстве или в приготовлении, или в покушении на убийство женщин-общественниц должны судиться по 58^й статье Уголовного Кодекса, т.е. как лица, организующие террористические акты против деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, при чем этот порядок необходимо закрепить для всего нашего Союза путем проведения соответствующего декрета через ЦИК СССР.

К. Дигуров.

27 октября 1928 г.

Больше внимания работе судисполнителей¹⁾.

Улучшение качества работы судебного аппарата стоит сейчас в центре внимания НКЮ, местных судебных учреждений, НКРКИ и советской общественности в лице секций советов. На рабочих собраниях и в печати суду все больше и больше уделяется внимания, общественное мнение быстро реагирует на замеченные в судорганах недостатки и заставляет изжить их. Общими усилиями в работе судебных учреждений уже в данное время произведен переворот. Совсем в недалеком прошлом, всего в 1925 году, народный суд столицы не мечтал о месячных сроках окончания дел. Дела тянулись не месяц, а несколько месяцев, первого заседания по делу приходилось ждать полтора-два месяца, в случае отложения дела проходил не меньший срок. Заваль в судах была невообразимая, казалось, не изжить ее. Однако, изжили и не только изжили заваль, победили хаос в работе, построили работу по плану.

Семидневный срок рассмотрения дела по существу со дня поступления стал реальной действительностью. Народные суды Москвы на 28/29 год 75% дел должны рассмотреть в семидневный со дня поступления срок. И это не фантазия, это рассчитано на опыте прошедшего только что года, на все повышающейся квалификации судебных работников, на растущей четкости в работе, дающей полное основание сказать, что дела будут рассмотрены в срок. Все глубже проникающая в сознание мысль, что суд должен скоро, без волокиты реагировать на конфликты между отдельными гражданами и коллективами, должен стать вплотную к населению, воплощается в реальные факты не только по нарсудам. Когда-то в Мосгубсуде единицами считались дела, законченные в месячный срок, и казалось, что иного положения и быть не может при сложности дел, при том громоздком порядке добывания доказательств из недр бухгалтерии и других отделов наших госучреждений и предприятий, главных клиентов губсуда. Оказалось опять не так. Уже сейчас до 60% гражданских дел в Мосгубсуде рассматривается в месячный со дня поступления срок, на 28/29 год все иски госорганов, увечных, алиментные должны быть рассмотрены в 3-недельный срок, если не требуется экспертизы, собирание доказательств из отдаленных мест и т. п.

Судучреждения усиленно добиваются сокращения случаев отложения дел, вызывающих лишний отрыв трудящихся от созидательной работы, и в этом направлении есть достижения.

Специальные обследования суда, собравшие богатый материал, позволят еще смелее, и не только в вопросах разрешения трудовых конфликтов, поставить суд ближе к населению, упростить, сделать доступной работу суда широчайшим массам трудящихся.

Но, уделяя огромное внимание непосредственно судебному делу, стараясь изжить бюрократизм и волокиту судебного процесса, мы совершенно оставили в тени одну часть работы судебного аппарата—это работу судебного исполнителя. А ведь судебный исполнитель очень значительный винтик судебной машины. Все качества суда могут быть стерты, сметены плохой работой судисполнителя. В самом деле, на что гражданину скоро, без волокиты полученный исполнительный лист, если он не будет приведен в исполнение надлежащим порядком.

Все ли благополучно на этой части фронта? Административно-правовая секция Моссовета в мае—июне с. г. произвела обследование оперативной работы судисполнителей Москвы, представив исчерпывающий материал по 24 судисполнительским участкам. Обследованием установлено, что только 41% взысканий по исполнительным листам госорганов судебные исполнители закончили полностью, 5% исполнительных листов закончено с частичным взысканием, 32,5% закончились составлением акта о несостоятельности, а 21,5% переслали другим судисполнителям и судьба этих взысканий неизвестна. По искам кооперативных и общественных организаций 37% взысканий закончены актами о несостоятельности, судьба 15% взысканий неизвестна, так как дела переданы в другие участки, по 4% исполнительных листов взыскано частично и только 44%—дали полное взыскание. Еще более яркую картину работы судисполнителей дает проверка работы судисполнителей Мосгубсуда за август—сентябрь с. г.: 50% исполнительных листов госорганов в августе и 40,9%—в сентябре закончились актами о несостоятельности. Обследование маленького участка работы судисполнителей дает до некоторой степени картину всей работы. Если в условиях Москвы, с хорошими средствами передвижения, позволяющими судисполнителям быстро быть на месте исполнения, произвести опись, продажу, все-таки до 50% исполнений не дают результатов, то этот процент в провинции не может быть меньшим. Госорганы на этом теряют громадные деньги. Только по 24 участкам Москвы за второй квартал 1927/28 г. в пользу госорганов не довзыскано 65% всех взысканий, что в переводе на деньги выразится в сумме около 300.000 руб.

Такое положение безусловно ненормально. Если учесть доминирующее значение госорганов, кооперации в нашем хозяйстве, если принять во внимание, что в силу своего положения в народном хозяйстве госпредприятия и кооперация при все растущем обороте неизбежно вступают в конфликты и чаще всего с частником, следовательно, возбуждают массу исков и нарсудов и губсудах, и если половина исков в конечном итоге кончаются без эффекта, т. е. к материальным потерям тяжущихся—госорганов и кооперации—прибавляются еще расходы на содержание судебного аппарата, то станет очевидным необходимость тем или иным образом, тщательно изучив вопрос, изменить метод работы судебного исполнителя.

Можно, конечно, сказать, что от изменения метода работы судисполнителя должники не станут богаче. Однако, факты убеждают, что это замечание не выдерживает критики. Тем же обследованием констатируется, что претензии частника исполняются теми же судисполнителями с гораздо большим эффектом. Только 2% исполнительных листов частных взыскателей по 24 участкам нарсуда г. Москвы за второй квартал 27/28 года и 10% частных взысканий по Мосгубсуду закончились актами о несостоятельности. Причина такого успеха не в злой воле судебного исполнителя. Частный взыскатель является активным помощником судисполнителя, сам отыскивает имущество должника, следит за последним и в дальнейшем, если долг не покрывается первой продажей имущества и при малейшей возможности снова и снова обращает внимание судисполнителя на те или иные средства ответчика и таким образом получает причитающуюся ему сумму. Не только результат удовлетворения частных претензий, прошедших через судебного исполнителя, убеждают, что акты о несостоятельности не всегда соответствуют действительности. При

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения.

Кредит-Бюро в виде опыта организовано Управление по ликвидации. Это управление ликвидирует и частные предприятия, признанные судом несостоятельными, в частности производит сейчас ликвидацию обществ взаимного кредита. В работе упомянутого Управления имеются десятки случаев, когда при формальном обращении взыскания на имущества бывших членов о-ва взаимного кредита ничего не получается, или получается, но с ничтожным эффектом.

В порядке же мирового соглашения, тот же должник, у которого имущества на гроши описали, платит по своему обязательству тысячи, десятки тысяч, конечно, выговаривая себе скидку с общей суммы долга. Значит акт о несостоятельности, опись на незначительную сумму имущества не отражали имущественного положения должника, значит судисполнитель не сумел отыскать имущество. А есть ли у судисполнителя стимул для отыскания имущества должника госорганами и кооперацией? Смело можно сказать: „нет.“ На практике мы видим беспардонно бюрократически-формальное отношение взыскателей госорганов и кооперации к результатам взыскания. Самый излюбленный способ предъявления исполнительного листа судисполнителю почтой, очень часто с указанием неправильного адреса ответчика, почему судисполнителю вместо исполнительных действий приходится устанавливать через адресный стол местожительство плательщика. Предъявление исполнительного листа через несколько месяцев по вынесении и вступлении решения в силу (этот срок иногда исчисляется даже и годами), когда должник успел ликвидировать всякие свои дела, полное безучастие к работе судисполнителя. Можно единицами насчитать участвовавших в отыскании имущества представителей госорганов и кооперации и то обычно, только в тех случаях, когда долг возник в силу „особых“ отношений госоргана к частнику, вроде Лебедева—отмеченного уже печатью „судостроителя“, когда РКИ обратило внимание на эти отношения. В прочих же случаях „хоть трава не расти“, по народному выражению. Мы знаем даже случаи, когда госорган явился к судисполнителю с листом с просьбой сделать на нем отметку о несостоятельности должника, не выезжая на место, ибо взыскатель „убежден“, что у ответчика ничего нет.

Вот подобное отношение взыскателей госорганов и кооперации к результатам взыскания, т.е. полное безразличие к тому, придут ли от судисполнителя деньги или исполнительный лист возвратится с актом о несостоятельности и долг будет списан, безусловно оказывают плохое воспитательное влияние на судисполнителя. Пишущему ни разу не приходилось выслушать жалобу от представителей госорганов или кооперации на медленность действий исполнителя, на то, что судисполнитель чего-либо намеренно не описал и это не потому, что судисполнители работают идеально, а потому, что взыскатели анализируемой категории относятся к работе безразлично.

Помимо этого судисполнитель связан сроками. 70% поступивших дел судисполнитель Москвы должен окончить в течение 14 дней и поэтому заняться розыском имущества объявившегося несостоятельным должника он не имеет возможности, не рискуя получить замечание. Поэтому „исполнение“ с актом о несостоятельности и занимает такое значительное место в работе судисполнителя. „Исполнение“ это государству стоит очень и очень дорого и это-то именно „исполнение“ необходимо в ближайшем будущем изжить.

Надо мобилизовать все силы на изучение причин большого окончания дел судебного исполнителя по госу-

дарственным взысканиям актами о несостоятельности и скорее сделать соответствующие выводы, иначе все достижения в области ускорения прохождения дел в суде, упрощения процесса на половину теряют свою значимость.

Прежде всего при учете работы судисполнителя надо обращать внимание на число актов о несостоятельности по госвзысканиям, и под этим углом зрения ценить качество работы и выражать ее даже в денежном эквиваленте при распределении между судисполнителями таксированных сборов. При чем по госвзысканиям результаты взыскания надо поставить во главу угла, поступившись даже несколькими сроками. Лучше немного позднее взыскать, чем в срок составить акт о несостоятельности.

Денежный эквивалент работы и возможность не получить замечание за замедление позволит судисполнителю тщательней выяснять материальное положение должника по госвзысканию, а для этого есть куда обратиться: домоуправление, жильцы по квартире, по дому могут дать указания об имуществе должника. Наконец, не исключена возможность получить сведения о должнике и из соответствующих организаций.

Это, безусловно, не явится исчерпывающим для изжития актов о несостоятельности. Госорганы и кооперация, безусловно, будут получать без результата исполнительные листы и вот тут надо изжить второй недостаток: неподвижное хранение исполнительного листа в архиве взыскателя. Очень редки случаи, когда взыскатель, иногда по истечении даже 3 лет, вспомнит, что у него против того или иного гражданина имеется исполнительный лист и попытается его реализовать. Такие случаи прямо единичны. Поэтому надо, чтобы исполнительный лист периодически хотя бы находился в движении, т.е. судисполнитель принимал бы по листу те или иные меры к отысканию имущества. Нынешнюю систему взыскания частный должник очень хорошо использует. Если у него не описали имущества при предъявлении иска, то по вынесении решения этого имущества не найдешь, он твердо верит, что исполнительный лист через некоторое время потонет в архиве и он свободно может выйти на рынок. Такие факты можно привести не единицами. Поэтому запрещение прежде всего госорганам и кооперации списывать долги по исполнительным листам, вернувшимся с актом о несостоятельности в течение 3 лет и периодическая проверка должника судисполнителем в течение такого же срока сократили бы число списаний долга госорганам по несостоятельности.

Помимо всего госорганы и кооперация и суд по своей инициативе должны принимать профилактические меры к устранению описанной болезни. Госорганы и кооперация должны не затягивать своих взаимоотношений с частным контрагентом в период конфликта, не класть конфликта под сукно и мариновать его до тех пор, пока контрагент все разбазарит, а немедленно предъявлять иск в суд, а суд иски госорганов и кооперации против частных лиц должен обеспечивать, при чем процесс описи имущества в обеспечение иска должен быть проведен немедленно и без предупреждения должника.

Эти предложения являются кусочком того, что нужно предпринять для поднятия эффективности взысканий в пользу госорганов.

Наблюдение, изучение опыта, напряжение усилий суда, госорганов, общественности—все это в целом помогут изжить недостаток работы судисполнителя, как помогали изживать до сих пор многие недостатки судебной работы.

Заведующий Гражданским Судебным
8/Х—28 г. Отделением Мосгубсуда Д. Хлебников.

Забывтый фронт¹⁾.

Крайне важным и, вместе с тем, самым больным местом в работе наших судебных органов является приведение судебных решений в исполнение. Если мы в судебной работе последнее время приняли целый ряд мероприятий, сводящихся в основном к упрощению и ускорению прохождения судебных дел, и тем дали возможность трудящемуся в короткий срок разрешить спор, то в области реализации этого спора, путем приведения судебного решения в исполнение, мы ничего не сделали. По существу ведь для трудящегося, имеющего тяжбу в суде, не важен порядок разрешения его дела, не так важны и законы, на основании которых суд выносит решение,—для него важен момент, когда судебный исполнитель вручит ему взысканную по суду сумму.

В настоящих условиях работы судебного исполнителя этот основной момент, момент получения трудящимся присужденной суммы, наступает через долгое время, и зачастую и вовсе не наступает.

Я не хочу этим сказать, что виноватым в затяжке на долгие годы исполнения решения является лично судисполнитель. Виновниками этого являются целый ряд объективных причин и невероятно трудные условия его работы.

В самом деле, как протекает работа судебного исполнителя, каковы условия этой работы и можно ли при этих условиях требовать от него стопроцентной удовлетворенности всех претензий, которые к нему поступают?

Я не знаю, как обстоит этот вопрос в центральной части нашего Союза, но у нас на Дальнем Востоке и, в частности, в Хабаровском округе, вопрос о приведении судебных решений в исполнение и вопрос работы судисполнителей обстоит неблагоприятно.

Думаю, что и в центре Союза положение не лучше Дальне-Восточного.

На весь Хабаровский округ имеется два судисполнителя.

Один обслуживает краевой город Хабаровск с населением в 60 т. человек, с большим поступлением дел, и второй обслуживает часть округа в 75 т. кв. км с населением 50 т. человек, с огромным поступлением дел. За первое полугодие 1928 года в камеру судисполнителя по городу поступило 1336 дел, по округу 1063 дел. Окончено за это время по городу 630, по округу 493.

Как видите, как количество поступления, так и окончания дел производством чрезвычайно велико, и все-таки неоконченных дел у обоих осталось достаточно.

Может ли судисполнитель оканчивать дел производством больше, нежели он оканчивал? По-моему, нет. Возьмите окружного судисполнителя. Дела у него мелкие, грошевые. Много дел, возникших по 43 ст. ГПК. Вся его работа протекает на селе. Необходимы ежемесячные выезды в деревню. Средств он никаких, кроме зарплаты, не получает. Взыскатель на выезд судисполнителя в деревню денег не дает, да и нет смысла давать, так как один проезд до места взыскания обходится дороже суммы, подлежащей взысканию; а по делам, освобожденным в порядке 43 ст. ГПК, закон не разрешает взимать никакие сборы. Мне могут указать, что судисполнитель имеет 25% дохода и что расходы по исполнению решения взыскиваются с должника.

Кто знает работу сельского судисполнителя, скажет, что квартальная выработка в фонд судисполнителя не превышает 10 руб. и что с огромными трудностями

судисполнителю удается взыскивать с должника только часть расходов и сборов, а в большинстве эти сборы остаются невзысканными.

За полгода работы судисполнитель по округу получил из 25% фонда—63 руб. Это рекордные выработки, а обычно они не превышают и пяти рублей в месяц. Поэтому на эти деньги много не разведешься. Да кроме того и эти же 25% идут на расходы по канцелярии: отоплению, освещению и т. п., так как судисполнитель ни гроша на это дело не получает.

Технических работников у судисполнителя не имеется. Каждый его выезд в деревню накладывает замок на камеру, и машина останавливается. Приезжающие посетители в лучшем случае приходят к председателю окр. суда с жалобой на то, что „никогда судисполнителя в камере не бывает“.

Создается чрезвычайно ненормальное положение, сводящее всю кропотливую и трудную работу суда к нулю.

В результате летят во все концы жалобы на волокиту, на бездушное отношение к интересам трудящихся.

Ненормальное положение и с оплатой труда судисполнителя. По его чрезвычайно ответственной работе, с ненормированным рабочим днем, ему платят 65 р. в месяц.

Разумеется, на такую зарплату подыскать подходящего делового человека трудно. На эту работу обычно идут лица неработоспособные или во всяком случае не представляющие собой ценности. Хорошие работники от таких условий работы бегут деловодом на 80 р., где нет ответственности и работа шестичасовая. В результате частая смена работников и отсутствие квалифицированных судисполнителей. Наконец, сам процесс исполнения судебных решений обложен в такую, по-моему, волокитную форму, что невольно исполнение затягивается. Много в нем, по-моему, можно изменить, а кое-что выбросить, отчего интересы ни взыскателя, ни должника не пострадают.

Я лично считаю, что для того, чтобы судисполнитель мог мало-мальски сносно работать, необходимо:

1. Увеличить содержание судисполнителю минимум до 100 р. в месяц, дав этим возможность окр. судам подбирать действительно ответственных и квалифицированных работников.

2. Включить в смету расходы по содержанию камеры судисполнителя, как-то: хозяйственные, канцелярские, чем создается возможность строить работу систематически и более продуктивно.

3. По делам, заведенным по 43 ст. ГПК—расходы отнести за счет государства, с отпуском их судисполнителю в сметном порядке.

4. 25% фонд судисполнителей упразднить, передав эти деньги в доход государства.

5. Все расходы и сборы, взимаемые по исполнению решения, взыскивать с взыскателя в доход государства, предоставив право судисполнителю назначать срок для внесения расходов, установив возвращение исполнительного листа взыскателю, если им не будут внесены средства на расходы.

6. Отпустить по смете на содержание одного техработника на две камеры судисполнителя, дав этим возможность судисполнителю заниматься непосредственно работой по исполнению решения, а не работой подшивки бумаг, обложки и так далее.

7. Упростить и изменить процесс исполнения решения так:

а) Сократить срок исполнения решения (260 ст. ГПК) до 3 дней, ибо 3 дня для уплаты долга—срок вполне достаточный.

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения.

б) Установить, как правило, при аресте имущества должника сразу же назначать его продажу, уменьшив срок (303 ст. ГПК) между арестом и продажей до 3 дней.

в) Предоставить право судисполнителю по каждому отдельному разрешению суда производить продажу имущества без объявления до 100 р. и без публикации в газете на сумму до 500 р., для чего изменить инстр. НКЮ и НКВД 1927 г. № 134 и ст.ст. 303—304 ГПК, так как полагаю, что от этих мероприятий интересы взыскателя и должника не пострадают.

Конечно, эти мероприятия в значительной своей части обременительны для государственной казны по части отпуска средств судисполнителю, но только этим можно упорядочить работу судебных исполнителей.

Наконец, надлежит подумать и о том, не упразднить ли судисполнителей вовсе, средства, отпускаемые на содержание их, передать в органы милиции, с возложением на них обязанностей выполнения судебных решений. Наркомвнудел на эти средства может иметь в каждом округе по несколько милиционеров, которые и будут выполнять судебные решения.

Вот, примерно, какие мероприятия необходимо провести для того, чтобы создать такие условия работы судисполнителя, которые бы давали ему возможность действительно и скоро выполнять судебные решения. По моему глубокому убеждению, в настоящих условиях работы судисполнитель останется „козлом отпущения“ всех жалоб, всей волокиты и бюрократизма.

На этом фронте надо повести решительное наступление.

г. Хабаровск, ДВК.

Н. М.—лев.

Взаимоотношения суда и печати в Сибири.

В связи с все большим развертыванием самокритики огромное значение приобретает вопрос о роли печати в деле оздоровления советского аппарата, в частности аппарата судебного. Произведенное Сибкрайсудом изучение всех газетных заметок, критиковавших работу судебного аппарата Сибири, а также и переписок, возникших по поводу этих заметок, выявило целый ряд интересных вопросов, имеющих актуальное значение, конечно, не только для Сибири.

Сибирская печать за период времени после XV Партсъезда значительно усилила критику работы судебного аппарата.

Если за весь 1927 год, по газетным заметкам, краевым судом было закончено 50 переписок, то за восемь лишь месяцев (январь—август) текущего года таких переписок было закончено 182.

Было бы, конечно, совершенно неправильно объяснять столь большой рост критики судебных органов снизу тем, что работа нашего аппарата в текущем году ухудшилась в сравнении с предыдущим периодом. Наоборот, по ряду других материалов, имеющихся в распоряжении Сибкрайсуда, видно, что работа судов качественно улучшается и в этой работе имеется ряд достижений.

Поэтому правильнее притти к тому выводу, что рост требований, предъявляемых массами к суду, а также с более чутким реагированием на недостатки, которыми еще столь богат наш аппарат, что этот рост обгоняет темп работы судебных органов по улучшению и упрощению своей работы.

Какие участки нашей работы попали под огонь самокритики? О каких недостатках нашего аппарата говорят трудящиеся на страницах печати? Что в первую очередь задает, а часто и возмущает рабочего и крестьянина, когда они входят в соприкосновение с судебным аппаратом?

Ответ на этот вопрос дает приводимая табличка, характеризующая содержание газетных заметок, критикующих работу суда:

1) Волокита в судах	89 зам. — 43,9%.
2) Неправильное разрешение дел по существу	36 „ — 19,8%.
3) Волокита у судисполнителей	21 „ — 11,5%.
4) Бюрократизм и чиновничество	11 „ — 6%.
5) Безобразное поведение судработников	11 „ — 6%.
6) Нарушение судами норм охраны труда в своем аппарате	4 „ — 2,2%.
7) Ошибочные действия судорганов	4 „ — 2,2%.
8) Прочие	6 „ — 3,6%.

Итого 182 зам. — 100%.

Коснемся в кратких чертах этих объектов самокритики.

Волонита и бюрократизм.

Большая часть газетных заметок, как и следовало ожидать, посвящена волоките и бюрократизму (67% всех заметок). Уже одни заголовки этих заметок достаточно ярко свидетельствуют об их содержании. Вот примеры: суды тянут разбор дел, тридцатимесячная волокита, заявления батраков под сукно, нарсудья на 2 года затянул дело батрака, вместо показательного суда показательная волокита, пять лет тянули волюнку, четвертый год ходит старушка в поисках своих 15 рублей, старик умер, не дождавшись конца судебной волокиты, и т. д.

Вот одно из типичных волокитных дел.

В 1921 г. жители Кауракской волости, Новониколаевской губернии, громко завопили, что начмилиции Норка их обирает, как старый полицейский пристав. Заявление это попало сначала в Новониколаевский губком, отсюда в ГПУ, затем в губюст, городскому следователю, еще одному городскому следователю, затем через прокурора уже к следователю, обслуживающему непосредственно Кауракскую волость „для производства расследования на месте“. Следовательская работа закончилась лишь в 1924 г., но к этому времени Норка уже проживал в Новосибирске. Тут началось препирательство между судами: кому из них судить Норку и где — в городе, по месту постоянного жительства или в селе — по месту совершения преступления. На это препирательство, по ходу которого дело доходило до окрета и до прокуратуры, прошло еще 1½ года. Снова долго искали Норку и лишь 27 февраля 1928 г., когда из дела за давностью уже было выхолощено всякое серьезное политическое содержание, состоялся приговор, которым Норка осужден к 1 году лишения свободы, но по амнистии освобожден. Так, после 7 лет усиленного надувания лопнул волокитный мыльный пузырь. Принимало в этом деле участие, в общей сложности, 4 следователя, 2 прокурора и до 10 судей.

Грубой ошибкой было бы, однако, считать, что волокита имела место лишь в прошлые годы и теперь, после ряда директив в этом отношении, все обстоит благополучно.

Вот „свеженький“ факт, имевший место в Рубцовском округе.

Дело по иску батрака о зарплате было выслано прокурору 7 мая и несмотря на то, что 9 мая была получена от истца просьба о выдаче исполнительного листа, нарсуд не уведомил об этом прокурора и не принял никаких мер к тому, чтобы ускорить возвращение от прокурора дела, вследствие чего последнее было получено обратно только 11 июля. Таким образом, выдача исполнительного листа задержалась более чем на два месяца.

Нередко волокита проявляется и в позднем назначении дела к слушанию.

Так, например, расследование Славгородского окрсуда по заметке о волоките, появившейся в „Степной Правде“, установило, что дело о зарплате, заведенное нарсудом в ноябре 1927 г., было в первый раз назначено к слушанию на 23 апреля 1928 г., т.-е. через 5 месяцев.

Другое дело, вторично отложенное 3 сентября 1927 г., было назначено к слушанию в следующий раз на 2 июня 1928 г., т.-е. через 9 месяцев, и было судом прекращено.

Но нередки и такие случаи, когда волокита является совершенно бесцельной и бессмысленной, вызывая только озлобление у людей, оказавшихся ее жертвами.

Типичный случай подобной волокиты приведен в заметке „Гоняют“ Киренской газеты „Ленская Правда“. Вот что пишет в этой заметке жертва киренской волокиты: „Киренский нарсуд вызывал меня повесткой. Я возможно скорее постарался приехать. В нарсуде покопались в бумагах и сообщили: „Нет, здесь вы не нужны, можете ехать обратно!“ Я задаюсь вопросом: кто же оплатит мне дорогу от Маркова до Киренска и обратно и потраченное время? Могу ли я подать в суд на виновника этой волокиты?“

Вряд ли случай требует комментариев. Все написанное в заметке подтвердилось, но оргвыводов не последовало, так как виновный в волоките нарсудья еще до подтверждения этой заметки за целый ряд должностных проступков был снят с работы и привлечен к ответственности.

Хотя волоките судебных исполнителей посвящена только 21 заметка (11,5% общего количества), но зато по подтверждаемости (85,7%) именно этот вид заметок стоит на первом месте. Это еще лишний раз подтверждает имеющиеся у нас и из ряда других источников выводы, что исполнение решений является наиболее большим местом судебной работы, требующим глубокого изучения и принятия на основе такого изучения ряда решительных мер. Приведем отдельные характерные случаи волокиты у судебных исполнителей.

Вот пример, показывающий, как виртуозно уклоняется порой судисполнитель от выполнения своих прямых служебных обязанностей, заставляя граждан напрасно обивать пороги.

„Пять раз“,—пишет „Сов. Сибирь“,—„Гончарову пришлось побывать у судебного исполнителя Новосибирского округа“. Судисполнитель отвечал:

- Подождите недельку.
- Не застал ответчика дома.
- Работы много, никак не добраться до вашего дела.
- Был больной.
- Принесет и получите, ваши деньги не пропадут и т. д.

Когда же судисполнитель начинает, наконец, проявлять активность в области взысканий, то оказывается, что эта активность в некоторых случаях идет впрок не истцу, а... самому же судисполнителю.

Так, например, один из судисполнителей Томского округа просроченные ссуды кредитного товарищества не взыскал, а взыскивал лишь за... исполнительные действия. В результате судебный исполнитель был снят с работы.

Заметки о волоките судисполнителей показывают, что наряду с отдельными случаями волокиты, если можно так выразиться,—злоостной, мы имеем ряд случаев, вызванных причинами объективного характера: обслуживание нескольких районов одним судиспом, громадные сибирские расстояния, зависимость выездов судиспа от наличия денежных средств на проезд, загруженность судиспов и т. д.

Наряду с волокитой наблюдается совершенно недопустимая в советском аппарате грубость с посетителями.

Когда к судебному исполнителю обратился пастух с просьбой ускорить взыскание присужденных по суду денег, судебный исполнитель давал следующие ответы: „Что ты ко мне привязался, получше тебя дела есть. Успеешь...—Не умрешь... Или бери исполнительный лист и сам взыскивай...“

И, наконец, на вопрос пастуха:—Разве так хорошо обращаться?—ответил:—Я всегда так, у меня такой характер...

Не менее характерно преклонение отдельных судебных работников перед буквой закона. Иркутская „Власть Труда“ приводит любопытный в этом отношении факт.

Кредитное товарищество послало по почте в нарсуд 20 коп. судебных пошлин почтовыми марками, учитывая, что посылать такую „сумму“ денежным переводом значило бы израсходовать на пересылку больше пересылаемой суммы пошлин.

Однако, нарсуд таким вполне логичным поступком кредитного товарищества не удовлетворился. Вот что отвечает товариществу мудрый секретарь суда:

„Нарсуд возвращает вам марки и разъясняет, что почтовые марки для оплаты судпошлины не принимаются. С получением сего вам надлежит перевести деньгами 20 коп.“

На побитие конкурса на лучших бюрократов не без успеха претендуют два иркутских следователя, которые на точном основании буквы закона умудрились, работая не только в одном здании, но и за рядом стоящими столами одной комнаты, вступить друг с другом, в письменные вполне официальные и оформленные отношения и пререкаться о подследственности дела. Переписка эта длилась целых 10 дней.

Из этого видно, что в области борьбы с бюрократизмом и волокитой необходимо продолжить и усилить работу по выявлению конкретных фактов чиновничества—грубости, формализма и головотяпства, по всем таким фактам производить тщательное расследование, подвергая виновных, как это уже практикуется, соответствующим взысканиям, вплоть до снятия с работы.

Дискредитирование.

Есть ряд заметок, касающихся безобразного поведения отдельных судебных работников на почве пьянки, сопровождающейся иногда своеобразной алкогольной „смычкой“ судьи с кулацкими элементами на селе.

Вот некоторые примеры:

- а) Рубцовская газета сообщает, что в религиозный праздник на улице села приятели волокли мертвеца пьяного нарсудью. Заметка подтвердилась—нарсудья с работы снят.
- б) В Барнаульском „Красном Алтае“ в заметке „Следователь Снегирев из Чистюньки“ рассказы-

вается о том, что 9 июня в поезде № 4, шедшем из Барнаула, пассажиры в одном из вагонов вдруг засуетились, стали искать проводника или кондуктора. Захожу в вагон и мне говорят: „Уберите этого негодяя, он не дает нам спокойно сидеть“. „Пассажир“ этот лежал на полу, в какой-то подозрительной воде. На станции „Колманка“ было заявлено главному кондуктору, и этот „пассажир“ был высажен. Здесь же было выяснено, что это нарслед Чистюньского района Снегирев“.

Вот что пишет Славгородская „Степная Правда“ в подтвердившейся впоследствии заметке:

„Судья Алиференко — высокопоставленный в районе пьяница... Пьянствовали кулак и судья всю ночь. Алиференко обнимал друга и со слезами на пьяных очах обещал:

— Тебя, милый, голоса лишили? Врут. Я тебе разрешу... Понял? Я—судья Алиференко—дам тебе голос!“.

Голоса кулаку Алиференко, конечно, не дал, но за то сам под суд попал.

Хотя качественно личный состав судебных органов растет, рабочая и партийная прослойка увеличивается, однако, приведенные факты показывают, что необходима дальнейшая работа по тщательному подбору соответствующих своему назначению судебных работников. Имеется не мало замечаний, критикующих и другие стороны судебной работы: неправильное разрешение дел по существу, срывы карательной политики, извращения классовой линии, оказание юридической помощи населению и т. д. Однако, размеры статьи не позволяют остановиться на этих вопросах.

Результаты газетной самокритики.

Ясно, что столь серьезный размах самокритики на страницах сибирской печати приносит судебному аппарату колоссальную пользу, тем более, что подтверждаемость газетных замечаний, посвященных недочетам работы судов, весьма значительна. За 1928 г. из общего количества в 182 заметки—подтвердилось 110 замечаний, т. е. 60,4%.

Достижения газетной самокритики для нашего аппарата уже к настоящему времени весьма значительны. Пленум краевого суда к таким достижениям относит: укрепление связи судаппарата с массами, устранение ряда вопиющих безобразий, возможность исправления ряда допущенных в работе ошибок, обнаружение недочетов в самой судебной системе, выявление „конкретных носителей“ волокиты и бюрократизма в судебных органах и, наконец, значительный политический рост судебных работников на их собственных достижениях и ошибках при проведении в жизнь лозунга самокритики. Таким образом, самокритика оказала и оказывает оздоровляющее влияние на судебный аппарат.

Подтвердившиеся заметки повлекли за собой реальные и ощутимые организационные последствия. По 110 подтвердившимся заметкам мы имеем 10 случаев снятия с работы, 5—предания суду, 6—дисциплинарных преследований, 9—выговоров и т. д.

Случаи бюрократического восприятия самокритики судебным аппаратом.

Наряду с достижениями в области развертывания самокритики судебного аппарата нельзя пройти мимо тех препятствий, которые самокритика печати встречает в отдельных звеньях судебного аппарата. Речь идет о ряде фактов бюрократического восприятия самокритики

судебным аппаратом, имевшим место в разных концах Сибири. Так, например, в мае месяце Славгородский окрсуд предъявил „Степной Правде“ требование предварительно согласовывать с работниками суда все касающиеся суда заметки.

Имеются сильные тенденции возбуждать уголовное преследование за клевету против авторов замечаний.

Инспектор Томской РКИ выступил в печати со статьей, обличающей бюрократов из Томского ЗАГС'а, снятых КК РКИ с работы. Статья была написана инспектором по поручению КК РКИ. Один из обиженных статьей бюрократов попал в суд. Нарсудья принял дело к производству и дал ему полный ход. Инспектора в часы служебных занятий вызвали для допроса в милицию и отобрали от него подписку по первому требованию явиться в суд...

„Судья“, констатирует Томское „Красное Знамя“ в заметке „Интересное дело“: „в спешном порядке принявший сторону учрежденческого бюрократа,—это зрелище, на которое нужно смотреть, выпучив глаза... Выходит, что заниматься критикой действий учреждений бюрократов в печати становится не безопасным“. Вся эта заметка подтвердилась.

Имеются и другие болезненные явления, когда суды склонны рассматривать самокритику, как „подрыв авторитета суда“ (Красноярск) или как „вмешательство в административные дела зава“ (Камень).

Красноярское пролетарское общественное мнение всколыхнулось в связи с неправильным обвинительным приговором, вынесенным Красноярским городским нарсудом сотруднику „Красноярского Рабочего“ т. Баринкову, якобы, за клевету в печати. Пленум Красноярского окрсуда, вместо того, чтобы признать ошибку суда и немедленно принять меры к ликвидации политического прострела в своей работе, обратился в крайсуд с ходатайством о постановке „в соответствующих органах вопроса о недопустимости подобных выпадов, подрывающих авторитет суда“. Крайсуду пришлось разъяснить, что ведущаяся борьба за развертывание самокритики должна заключаться не в постановке вопроса о подрыве авторитета суда, „а в изживании критикобоязни, в поднятии авторитета суда за счет решительного вскрытия отдельных недочетов и за счет недопущения в дальнейшем подобных ошибок и, наконец, во всомерном способствовании печати в ее борьбе за развертывание самокритики“.

К другим проявлениям бюрократического восприятия самокритики следует отнести недостаточно внимательное расследование по газетным заметкам (Минусинск, Камень) медленность и формализм реагирования на самокритику (Омск, Барнаул) и т. д.

Вот сведения, характеризующие сроки прохождения со дня появления газетной заметки до дня посылки окрсудом сообщения крайсуду о принятых окрсудом по заметке мерах:

До 7 дней . . .	28	20,8%	37,2%	70,5%
„ 2 недель . . .	30	16,4%		
„ 3 „ . . .	23	12,6%		
„ 1 месяца . . .	38	20,8%		
„ 2 „ . . .	44	24,3%	62,8%	29,4%
„ 3 „ . . .	6	3,4%		
„ 4 „ . . .	3	1,7%		

Таким образом первое сообщение о принятых окрсудом по заметкам мерах лишь по 37,2% замечаний посылается в двухнедельный срок. В большинстве же случаев значительно дольше, доходя по отдельным заметкам до 3 и даже 4 месяцев.

формы, это требование в большей своей части относится к деревенской работе (особенно в южных губерниях и уездах). Место с количественным ростом работы мы можем считать и качественное ее улучшение. Планы общественно-политической работы в деревне согласуются в большинстве случаев с АПО. Выезжающие прокуроры снабжаются в ряде случаев тезисами для докладов, а бюро по пропаганде права в ряде случаев руководят методической стороной дела. Все больше и больше в 1927 г. место общих докладов на те или иные правовые темы занимают беседы, вечера вопросов и ответов. Эта форма правовой пропаганды в значительно большей степени удовлетворяет запросам крестьянства, привлекает их внимание и в результате дает гораздо лучшие результаты. Так, ревизоры Прокуратуры Республики, обрешившие работу прокуратуры Марийской области, пишут:

В своих отчетах кант. прокуроры отмечают большую активность крестьян, которыми задается много вопросов самого разнообразного характера, вследствие чего от прокурора требуется большая подготовка. Почти все кант. прокуроры настойчиво выдвигают ту мысль, что необходимо перейти от системы докладов к системе бесед, что является единственной формой правовой пропаганды, удовлетворяющей крестьян. Нередки случаи, когда докладчика прерывают рядом вопросов, и доклад переходит в беседу. Крестьяне начинают говорить более уверенно и делают такие сообщения, каких в другой обстановке не сделали бы. Они охотно посещают такие беседы и просят приезжать почаще.

О том же говорит в своем отчете уральский обл. прокурор. Он пишет: „Крестьяне на эти доклады всегда приходят охотно; доклады переходят в собеседование и дачу ответов на ряд вопросов, интересующих слушателей“. Целый ряд других прокуроров высказываются в том же духе.

Правовая пропаганда среди бедноты и батрачества.

Если в области правовой пропаганды в деревне вообще мы достигли известных результатов, то в области специальной пропаганды среди батрачества и бедноты дело обстоит слабее. Большинство прокуроров лаконично сообщают, что правовая пропаганда среди этих слоев деревни „велась“, сообщают темы, на какие делались доклады или велись беседы. Но должного размаха эта работа не получила. Надлежаще поставленного учета этой работы нет и потому иллюстрировать цифрами проделанную работу невозможно. Так, тверской прокурор прямо указывает на „недостаточность проведенных докладов-бесед о законах, защищающих интересы бедноты и батрачества“. А между тем, правовая неграмотность среди батрачества и бедноты, по сообщению ряда прокуроров, велика, налицо незнание законов Советской власти, охраняющих их интересы, даже простое незнание о существовании их. И именно этим в известной мере объясняется то, что эти слои деревни так слабо обращаются к прокурору за защитой своих интересов.

Оживление в этой области работы прокуратуры наступает в самом конце 1927 года, в связи с общей перемены курса работы в деревне.

В 1928 году прокуратура должна полностью развернуть эту работу.

Радио-пропаганда. Использование прессы.

В 1927 году в ряде мест, где имеются свои широко-рабочие радио-станции, прокуратура широко использовала их для правовой пропаганды. По радио из губ. центра делались доклады по различным вопросам, интересующим деревню. Цифрового учета проделанной работы нет.

Правовая пропаганда ведется еще путем использования прессы. Учета количества статей, помещенных прокуратурой в газетах по правовым вопросам, интересующим деревню, нет. По данным ревизий, да и по отчетам самих прокуроров видно, что число этих статей невелико. В известной мере это объясняется тем, что газеты не могут предоставить много места прокуратуре. Прокуратурой Республики настойчиво предлагалось широко использовать для этой цели деревенские стенгазеты.

Однако, мы не можем констатировать, чтобы эта директива должным образом была проведена в жизнь.

По имеющимся данным, число статей, помещенных в стенгазетах, по Республике невелико. Здесь, несомненно, действует инертность, недооценка этого вида работы со стороны местных работников. А, между тем, положительные стороны ее очевидны. Возможность одной статьей обслужить одновременно целый ряд стенгазет данного уезда или волости, возможность общения через стенгазету с массой по конкретным вопросам, интересующим только данное село или местность, возможность осветить конкретные случаи, имевшие место в данном селе или местности, превращают стенгазету в прекрасное орудие правовой пропаганды и борьбы за законность в деревне. Прокуратура Республики считает, что 1928 год должен принести решительный перелом в этой области работы.

Юридическая помощь в деревне.

В этой области работа сводится: 1) к непосредственной даче юридических советов при выездах в деревню работников прокуратуры, с одной стороны, и 2) с другой, в организации и инспектировании справочных столов при избах-читальнях и юридических кружков, в организации актива по пропаганде права для постоянного, систематического оказания юридической помощи на село. Вследствие изменения форм статистической отчетности в 1927 г., мы не можем дать цифровых сведений о количестве юридических советов, данных при выездах в деревню, о количестве организованных справочных столов и т. д.

Проделанную в отдельных губерниях работу прокуратуры в этой области могут охарактеризовать следующие цифры:

	На 2 пол. 1927 г. предпо- ложено по плану	Выпол- нено	Предпо- ложено на 9 мес. 1928 г.
Московская губерния			
1) Обследование при выездах в волости низовых ячеек по пропаганде права (юркружки, справочные столы)	68	38	81
2) Созыв уездных и районных совещаний по пропаганде права	126	61	114
3) Принять участие в других совещаниях по линии пропаганды права	10	6	9
4) Организовать справочные столы при избах-читальнях	12	17	11
5) Организовать юркружки	22	50	45
6) Дача советов в Домах Крестьянина, в справочн. столах и т. д.	149	125	198
Тульская губерния.			
Ознакомление с работой юркружков и справочных столов	11	18	18
Саратовская губерния.			
Обследование справочных столов	47	33	72

За 1927 год в Тамбовской губернии посещено: 121 изба-читальня, 22 юркружка; в Самарской губ. обследовано 21 справочный стол. За 2 полугодие 1927 г. в Тверской губ. обследовано 4 справочных стола, в Иваново-Вознесенской губ. обследовано 17 бюро юрпомощи.

По отчетам местных прокуроров и по данным ревизий видно, что при каждом своем выезде прокурор дает значительное количество юридических советов. Хуже обстоит дело с работой справочных столов и с созданием актива правовой пропаганды. Московский прокурор в качестве недостатков в этой области отмечает: а) отсутствие квалифицированных работников в деревне, могущих проводить правовую пропаганду и оказывать юрпомощь насе-

Таким образом, выявляется новый вид волокиты—волокиты в реагировании на газетные заметки.

Как пример формально-бюрократического расследования газетной заметки можно привести Томский окрсуд, который восьмимесячную волокиту подведомственного ему нарсуда в результате расследования признал вызванной.. распутицей. Приходится удивляться длительности распутиц в Томском округе.

Перегибы со стороны печати.

Имеются, конечно, и отдельные перегибы и ошибки со стороны печати: кричащие, не соответствующие содержанию заметок заголовки, резкие эпитеты по отношению к отдельным ни в чем неповинным работникам, непомещение основательных опровержений и т. д. Однако, подобные отдельные факты несколько не умаляют громадной роли печати в деле развертывания самокритики и ни в коей мере не могут оправдать хотя бы один из многочисленных фактов бюрократического восприятия самокритики судебными работниками.

Конечно, доля вскрытых печатью недостатков в работе суда, несомненно, значительно меньше общей массы этих недостатков. Постановление III Пленума ЦКК от 29 августа концентрирует внимание на дальнейшем вовлечении масс в дело самокритики, лежащей „в основе режима диктатуры пролетариата“ (Сталин).

Нужно приложить все усилия, чтобы критика работы судов развернулась в дальнейшем и вширь и вглубь. А для этого руководители судебных учреждений должны своевременно реагировать на газетные заметки, принимать в нужных случаях против виновных в волоките и бюрократизме решительные меры воздействия, вплоть до снятия с работы и предания суду, а также освещать в печати результаты газетной самокритики.

Пленум Сибирского крайсуда постановлением от 17 сентября, исходя из основной установки, что суд является помощником партии и правительству в деле развертывания самокритики, дал директивы о принятии решительных мер, вплоть до снятия с работы и предания суду, по отношению к выявленным самокритикой волокитчикам, бюрократам и извратителям классовой линии советского суда.

Усматривая корни бюрократического восприятия самокритики со стороны отдельных звеньев судебного аппарата в их оторванности от масс, пленум подчеркнул необходимость усиления связи судебного аппарата с массами путем проведения в течение ближайших двух месяцев широкой отчетной кампании судов на рабочих собраниях, межсоюзных конференциях и сельских сходах. Даны указания, чтобы суды принимали к своему производству дела о рабселькорах, привлекаемых за клевету, лишь с предварительной санкции председателя окрсуда и окрпрокурора. Предложено усилить внимание к проверке и дальнейшему подбору личного состава судов. Все эти мероприятия должны способствовать устранению каких бы то ни было трений между судом и печатью на почве самокритики.

Чуткость судебного аппарата к самокритике должна способствовать дальнейшему развертыванию самокритики. Палаженная совместная работа суда, печати и трудящихся масс—лучшее средство против бюрократических извращений в судебном аппарате.

Сибирь. Г. Новосибирск.

Л. Грач.

Работа прокуратуры в деревне в 1927 году.

(Окончание) ¹⁾.

Основными моментами общественно-политической работы в деревне являются: а) правовая пропаганда среди крестьянских масс, в частности среди бедноты и батрачества; б) юридическая помощь крестьянству; в) работа среди деревенского актива, среди общественных обвинителей и селькоров. Отметим предварительно, что в 1927 г. начали создаваться волбюро по пропаганде права, на которые легла задача руководства всеми видами общественно-политической работы в деревне. Работа этих волбюро в свою очередь направлялась уездными и губернскими бюро по правовой пропаганде. Нужно сказать, что работа этой организации в 1927 г. была очень слаба и в ряде мест они существовали только на бумаге.

Правовая пропаганда.

На эту область работы в деревне прокуратурой обращалось особое внимание, так как правовая пропаганда имеет огромное значение, как средство политического воспитания массы, установления с нею живой связи, как один из путей оказания ей юридической помощи.

1927 г. дал дальнейший и значительный рост числа докладов, сделанных прокуратурой в деревне.

Так, проведено докладов в деревне:

П Е Р И О Д Ы	В с е г о	Из них на сельских сходах и на заседаниях сельсоветов	На заседаниях вигов и конференциях
1-я половина 26 г. . .	6.718	4.924	1.794
2-я половина 26 „ . .	6.453	3.928	2.525
	13.171	8 852	4.319
1-я половина 27 г. . .	9.000	6.951	2.049
2-я половина 27 „ . .	7.837	6.072	1.765
	16.837	13.023	3.814

(Отметим снова: снижение количества докладов во 2-м полугодии объясняется „сезонными“ причинами: полевые работы, отпуска и т. п.). Количество докладов, сделанных в деревне по отношению ко всему числу докладов, сделанных органами прокуратуры за год, составляет 42%.

Положительным явлением следует считать то, что основная масса докладов сделана непосредственно в самой гуще крестьянской массы: из 16.837 докладов 13.023 сделано на сельских сходах и в сельсоветах (77,2%); на волконференциях и в виках сделано 3.814 докладов (22,8%).

Подавляющее число докладов сделано на правовые темы—11.538. Затем идут „отчетные“ доклады—2.980 и, наконец, доклады по борьбе с преступностью—1.748. Некоторое число докладов падает на общеполитические и иные темы, в связи с заданиями парткомов, исполкомов и т. д.

По 12 автономным национальным областям сделано в 1927 г. 1.740 докладов в деревне, из них 1.417 (81,5%) на сельских сходах и 323 на конференциях и в виках (18,5%). Из них 1.254 доклада на правовые темы, 311 отчетных, 175 докладов по вопросам борьбы с преступностью.

Нужно отметить, что хотя количество докладов в деревне и увеличилось значительно в 1927 г. по сравнению с 1926 годом, все же нормы, установленные НКЮ для этой области работы, не достигнуты. И если Прокуратура Республики выдвигает требование выполнения устано-

¹⁾ См. № 49, 50 Е. С. Ю.

лению самостоятельно; б) недостаточность средств для расширения правовой пропаганды в деревне; в) отсутствие точного учета работы. Губсовещание по пропаганде права принимало меры через Губполитпросвет к снабжению всех изб-читален популярной юридической литературой, справочными изданиями, программами занятий юркружков, тезисами докладов и т. п.

Ревизоры НКЮ, обследовавшие работу прокуратуры Марийской области, пишут: „В большинстве случаев работа справочных столов не налажена. Нет умения объединить вокруг изб-читальни и справочного стола активистов деревни (учителей, членов сельсовета, отдельных крестьян-активистов), вовлечь их в работу. Работа юркружков не налажена. Учет работы поставлен плохо. Юридической литературы не хватает“. Тульский прокурор пишет: „По сообщению пом. прокурора 2 участка на учительских конференциях ставился вопрос о привлечении учительства к более активному участию в справочных столах при изб-читальнях и при школах. Как отрицательное явление необходимо отметить то обстоятельство, что некоторые изб-читальни, например, по бывшему Богородицкому уезду, не используют в достаточной мере той справочной литературы, которой они были снабжены. Несмотря на обращение к избачам, последние не принимают участия в работе юрбюро“.

Однако, при всех этих недочетах (в значительной мере объективного характера), справочными столами, юркружками проводится известная положительная работа в деревне, и прав. прокурор Карачаевской автономной области, отмечая, что жалобы в большинстве случаев пишутся избачами, обладающими весьма скудными юридическими познаниями, вследствие чего жалобы зачастую получают неправильное направление: земельные направляются в нарсуды, уголовные — в исполкомы и т. д. все же считает, что „возможность получения элементарной юридической помощи на месте принесла огромное облегчение населению, избавив его от необходимости пугеставовать за несколько десятков верст в окружные центры для получения несложной справки или разъяснения“.

Расширение и улучшение этой работы в деревне по сравнению с 1926 г. отмечается и в других отчетах. Задачей прокуратуры на 1928 г. является дальнейшая работа над устранением выявленных недочетов и вовлечение культурных сил деревни в активную помощь в этой работе.

Связь с деревенским активом (общественные обвинители, избачи, сельноры).

Изменение формы статотчетности в 1927 г. не дает нам возможности сообщить, какое количество общественных обвинителей, из общего их числа, приходится на деревню, сколько было выступлений их в судах и т. п. Мы имеем лишь суммарные сведения об этом институте в целом, без подразделения на „город“ и „деревню“. Из всего числа общественных обвинителей — крестьян 9018 32,7% (служащих 44,8%, рабочих 22,5%), большая часть которых приходится, конечно, на деревню. Нужно отметить, что прослойка крестьян, как и прослойка рабочих, год от году растет за счет „служащих“.

Связь прокуратуры с общественными обвинителями, размеры использования их в суде далеко не могут нас удовлетворить. Это положение особенно верно в отношении деревни. Если перебору общественные обвинители, освещению и правильному социальному их подбору, вовлечению в эту работу активистов деревни, вовлечению женщин — если всем этим вопросам уделяется, как правило, достаточно внимания со стороны прокуратуры и местных директивных органов, то с подготовкой и использованием избранных кадров общественных обвинителей дело обстоит значительно хуже.

В значительной мере здесь сказываются объективные, специфические условия деревенской жизни: распыленность общественных обвинителей в деревне затрудняет созыв их для инструктирования; боязнь мести за выступление в суде, боязнь „Красного петуха“, затрудняет вовлечение их в судебную работу.

Тульский прокурор, например, пишет: „В 3 участке, в Одоеве дважды назначалось совещание, но не могло состояться за нехваткой общественных обвинителей, лишь недавно удалось таковое провести. Такое же положение в Белеве. В 6 участке не удалось созвать инструктивных совещаний вовсе, с отдельными общественными об-

винителями пришлось вести индивидуальные беседы. Малое количество крестьян в составе общественных обвинителей объясняется боязнью крестьян выступать в судебных процессах. Положение общественного обвинителя много хуже положения селькора, так как у того то преимущество, что он может скрыть свое имя и не подвергаться угрозам и насилиям со стороны социально-опасного элемента. Кроме того, правильному развертыванию работы общественных обвинителей препятствует и то, что вследствие дефицитности бюджета многие реки отказываются выплачивать им вознаграждение.

Выступления в суде общественных обвинителей деревни в большинстве губерний немногочисленны, и уже совсем ничтожно количество выступлений крестьянок — общественных обвинителей. Лишь в немногих губерниях положение несколько лучше. Так, в Самарской губ. во 2 п. 1927 г. в 5 уездах было выступлений общественных обвинителей по 286 делам. В Тульской губ. в том же полугодии было выступлений по 76 делам, что составляет 47% всего числа выступлений общественных обвинителей.

Инструктивная работа, как мы уже сказали выше, проводится с ними слабо. К этому нужно еще прибавить, что в большинстве случаев выступления общественных обвинителей бывают самостоятельными, т. е. не совместно с прокурором. Естественно, что в ряде случаев эти выступления бывают малоудовлетворительны по качеству. Мы знаем такие случаи, когда общественный обвинитель выступает в суде так: „Граждане судьи, Вы сами знаете, как судить, я же человек неопытный“.

Конечно, имеются факты и положительной оценки выступлений общественных обвинителей.

Чрезвычайно важно отметить, что крестьянская масса в целом относится положительно к институту общественных обвинителей.

Так, Тульский прокурор пишет „по сообщению участкового помощника прокурора выступления общественных обвинителей характеризуются как удовлетворительные, и отзывы суда и населения о них хороши. Пом. прокурора 2 уч. отмечает, что выступления общественных обвинителей интересуют крестьян и имеют с их стороны благожелательное отношение“.

Общественные обвинители выступают по должностным преступлениям, главным образом, по растратам, по делам о конкратстве, об убийстве, по делам о хулиганстве, по трудовым делам и т. д. В национальных областях выступления общественных обвинителей имеют место еще и по бытовым преступлениям.

Состояние работы с общественными обвинителями в деревне в 1927 г. удовлетворить нас не может. Необходимо упорная работа прокуратуры по устранению выявленных недочетов и над установлением прочной связи с этим активом деревни.

В ряде мест идет нащупывание необходимых организационных мероприятий для этого (Саратов), идет искание новых методов и путей использования этого института. Характерно в этом смысле то, что пишет прокурор Сев.-Кавказа:

„В целом необходимо констатировать, что общественное обвинение используется чрезвычайно слабо, особенно в деревне. Перспектив на будущее, при старых методах, не видно. Институт общественных обвинителей изолирован, находится вне крепкой связи со всей организованной общественностью, и это обстоятельство не создает предпосылок для полной жизненности этого института. Вырастает необходимость нащупать, кроме выступлений в суде, новые формы практической деятельности общ. обвинителей, особенно на село. Нам представляется, помимо участия в бюро пропаганды права, общественные обвинители должны стать активными участниками в работе секций при сельсоветах. В этом направлении крайняя прокуратура и ведет проработку и изучение вопроса“.

Связь прокуратуры с сельскими обвинителями подробно освещена в соответствующей статье в „ЕЮ“, мы, поэтому здесь этого вопроса касаться не будем. Связь с избачами не носит планомерного, постоянного характера. Обычно при обследованиях справочных столов прокурор инструктирует избача по вопросам правовой пропаганды. Письменной связи с избачами нет. Лишь „в отдельных случаях связь с избачами заключается в переписке с ними, в даче им письменных указаний и советов. Вследствие большой текучести состава избачей инструктирование их в известной мере не достигает цели“ (Марийская область).

В общем, состояние связи прокуратуры с общественностью деревни в 1927 г. может быть охарактеризовано следующими словами из отчета Уральского облпрокурора:

„В общем связь с общественностью деревни имеется. Местами она еще недостаточна, это объясняется тем, что прокуратура бывает в деревне лишь время от времени, сравнительно недолго, при чем при каждом выезде выполняется весьма значительная работа. При выездах в деревню, при обследованиях риков и сельсоветов, прокуратура посещает союзы Всеработземлеса, батрацкомы, НКОВ. Здесь прокуратура черпает сведения, зачастую необходимые для выявления состояния ревзаконности на местах, для выявления недочетов в работе риков и сельсоветов. В таком же порядке устанавливается и используется связь с избачами и селкорами. Имеется связь и с отдельными селкорами-общественниками. Необходимо подчеркнуть, что прокуратурой вполне усвоена необходимость установления самой тесной связи с общественностью деревни:—дальнейшее развитие, укрепление и углубление ее является одной из ближайших и основных задач деревенской работы прокуратуры.

Судебная работа в деревне.

Судебная работа в деревне в 1927 г. характеризуется следующими данными: Было выступлений в нарсудах деревни:

Периоды	По уголовным делам	По гражданским делам	
1 п. 1926 г.	4489	1642	
2 п. 1926 г.	4062	2212	
	8551	3854	= 12405
1 п. 1927 г.	3294	2664	
2 п. 1927 г.	3090	2830	
	6384	5494	= 11878

Таким образом, 1927 год не только не показывает дальнейшего роста выступлений, но даже дает некоторое снижение. Это несомненно является отрицательным явлением. Непрестанно расширяющаяся подсудность нарсудов, через которые проходит масса уголовных и гражданских дел, затрагивающих интересы широкой массы крестьянства, в том числе бедноты, требовала уделения этой отрасли работы прокуратуры в деревне должного внимания в смысле дальнейшего роста ее.

Положительным явлением, совпадающим с директивами Прокуратуры Республики, является то, что значительно выросло число выступлений прокуратуры в гражданском процессе (правда, за счет уменьшения числа выступлений по уголовным делам). Нижеследующие данные характеризуют положение дел по отдельным губерниям:

Губернии	Уголовные дела		Гражданск. дела	
	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
1) Брянская . . .	79	81	20	96
2) Воронежская . .	150	193	156	319
3) Ив.-Вознесенск .	87	59	30	19
4) Калужская . . .	196	91	77	45
5) Курская	315	119	89	109
6) Московская . . .	332	182	35	48
7) Орловская	126	100	103	108
8) Рязанская	70	158	20	144
9) Самарская	107	23	20	49
10) Саратовская . .	172	174	59	272
11) Тамбовская . . .	43	80	28	41
12) Тульская	720	181	105	88
13) Д.-Вост. Край . .	342	322	133	327
14) Сев.-Кавказ . . .	1351	731	1177	706
15) Сиб. Край	653	474	304	334
16) Урал. обл. . . .	737	812	374	641

В национальных областях во 2 п. 1927 г. было 467 выступлений по уголовным делам и 531 по гражданским.

Количество выступлений по уголовным делам в нарсудах деревни составляет 44% всего количества выступлений по этим делам в нарсудах, по гражданским делам 42,5%.

В нарсудах деревни выступают, главным образом, только уч. пом. прокуроры.

В уголовном процессе выступления прокуратуры бывают, главным образом, по делам общественно-политического значения: растраты, скотоконокрадство, хулиганство, бытовые преступления в национальных областях.

В гражданском процессе, главным образом, по делам экономически слабой стороны: по батрацким делам, по делам о кабальных сделках, по делам вдов и т. п., при чем в большей части эти выступления бывают в порядке проявления личной инициативы прокуратуры (ст. 2 ГПК).

Так, в Воронежской губ. во второй половине 1927 года из числа выступлений по гражданским делам в нарсудах было 36% выступлений по имущественным спорам бедноты, 34% по трудовым и батрацким делам.

Помимо выступлений в судах по делам, возбужденным заинтересованными сторонами, прокуратура сама, по собственной инициативе, предъявляет иски в защиту экономически слабой стороны.

В той же Воронежской губернии в порядке собственной инициативы во втором полугодии 1927 г. возбуждено 67 гражданских исков: из них по договорам батрачества 42%, по делам бедноты 48%. Кроме того, по трем уездам возбуждено 34 иска о расторжении кабальных сделок.

В Костромской губернии за год предъявлено 30 исков, в Астраханской—20. В Тульской губернии было выступлений по этой категории дел в нарсудах и земкомиссиях 46, возбуждено по собственной инициативе 9 дел. В приведенных в качестве примеров губерниях,—а положение в этом вопросе еще сравнительно благополучно,—в ряде губерний дело обстоит гораздо хуже.

Само собой разумеется, такие размеры работы удовлетворить не могут, тем более, что по данным прокуратуры республики, при рассмотрении батрацких дел в ряде случаев нарсудами допускаются грубые нарушения, свидетельствующие о недостаточно четком проведении ими классовой линии.

Так, ревизионное совещание при НКЮ, заслушав в декабре 1927 г. доклад о ревизии прокуратуры и судебных органов Брянской губернии, особо отметило в своей резолюции—„выявленные ревизией недочеты в области рассмотрения нарсудами батрацких дел, сводящиеся в основном к недостаточной защите интересов батрачества: а) отсутствие проверки нарсудом соответствия отсылаемой по суду батраками зарплаты установленному в данной местности госминимуму (установлены случаи, когда зарплата батрака за период с 1 сентября по 1 апреля равнялась „4 п. ржи и немного дровец“, в другом случае 8 п. ржи и т. д.); б) при многочисленном прекращении нарсудами дел в виду мирового соглашения—новыяснение условий этого мирового соглашения, в) случаи передачи дел в другой участок вслед за выбывшим ответчиком, что ставит истца (батрака) в такое положение, когда он не может явиться в суд и потому проигрывает дело“. А работу Брянской прокуратуры в этой области ревизионное совещание признало слабой.

Аналогичное положение установлено ревизорами НКЮ при ревизиях на Северном Кавказе, в Марийской автономной области. Так, например, в Адыгейской автономной области нарсудом 1 участка вынесено 26 мая 1927 г. такое решение по делу об иске о зарплате:

„Выслушав объяснения сторон, показания свидетелей и просмотрев исковой материал, суд установил, что Х а т к о Адышес находился у дяди Х а т и к а й м у к о в а, как родственник друг другу и живущий по соседству и помогали все время работы также один другому. Ответчик Х а т и к а й м у к о в, как по хозяйству своему более состоятельный и как родственник—дядя истцу Х а т к о Адышесу—как малоимущего вовлекать его в коллективную работу для того, чтобы он не залетяйничал и не сделался шарлатаном, а был бы хлеборобом-тружеником впоследствии, а что касается наемной работы в качестве работника у дяди за определенную плату, это обстоятельство не подтвердилось, а потому, руководствуясь ст. 176 ГПК, суд определил: в иске Х а т к о Адышесу отказать за необоснованностью исковых требований“.

Этот пример прекрасно иллюстрирует формы закабаления бедняцких элементов в национальных областях и „классовый“ подход к разрешению этих дел со стороны нарсуда.

Другой пример. В Марийской автономной области в 3 уч. Козьмодемьянского кантона пастух ищет по суду причитающуюся ему зарплату. Суд в иске отказывает, мотивируя тем, что во время пастбы где-то были задержаны коровы ответчиков за поправу и ответчикам-де пришлось выкупать своих коров. Но при этом суд совершенно не устанавливает, был ли в этом виновен пастух и вообще на каких условиях он нанимался пасти скот.

Все изложенное выше приводит нас к следующим выводам:

1) Размеры участия прокуратуры в работе нарсудов деревни невелики и недостаточны. В большинстве губерний, в соответствии с директивами Прокуратуры Республики, мы можем констатировать увеличение числа участий в гражданском процессе (правда, при уменьшении числа выступлений по уголовным делам). Но и эти достигнутые размеры недостаточны; особенно недостаточно число выступлений в защиту бедноты и батрачества, если учесть усиление в деревне классовой борьбы и вытекающую отсюда обязанность для прокуратуры „выступить на стороне бедноты и батрачества“ (директивы XV Съезда Партии).

2) Наблюдается резкая неравномерность в числе выступлений по отдельным губерниям (см. Самара, Тамбов, Ив.-Вознесенск, с одной стороны, и Воронеж, Курск, Рязань, Саратов—с другой).

Задачей прокуратуры в области судебной работы в деревне должно быть увеличение участия прокуратуры в нарсудах по уголовным и в особенности по гражданским делам, в первую очередь по батрацким и бедняцким делам.

Директивы в этом духе давались Прокуратурой Республики и раньше, но именно сейчас, в связи с изменением методов и путей работы в деревне, создается реальная возможность для проведения этой директивы в жизнь. Отказ от плановых обследований при выездах в деревню дает экономию во времени, дает, следовательно, возможность уделить больше сил и внимания судебной работе, а усиление живой и непосредственной связи с массами будет давать материал, будет побуждать прокуратуру к усилению своей активности в этой области.

Перспектива работы.

Во вступительной части мы отмечаем ряд достижений по работе в деревне в сравнении с 1926 г. Но в соответствии с теми задачами, какие стоят перед нами на данном этапе нашего социалистического строительства: взятый темп индустриализации страны; объявленный XV Съездом Партии курс „наступления на кулака“, усиления колхозного строительства и кооперирования деревни; усиление классовой борьбы в деревне и вытекающая отсюда необходимость для прокуратуры активно вмешиваться в эту борьбу на стороне бедноты и батрачества—в соответствии с этими задачами эти достижения являются недостаточными. Старые методы работы в значительной мере изжили себя: они не достигают цели. Из этого родилась необходимость коренной ревизии методов работы прокуратуры в деревне. Обсуждение тезисов ЦК Партии до и на XV Съезде Партии, решения XV Съезда дали отправные положения для этой ревизии. Конец 1927 г.—начало 1928 г. знаменуются дискуссией по этому вопросу на страницах „ЕЮ“.

В результате Коллегией Наркомюста, на основе решений XV Съезда Партии, были приняты ряд положений (тезисов) по работе в деревне, произведших коренную передвижку в методах работы в деревне.

С особенной четкостью намечают тезисы задачи прокуратуры в деревне: прокуратура должна активно вмешиваться на стороне бедноты и батрачества в происходящую в деревне классовую борьбу. Борьба с кулацкими элементами и максимальная защита интересов бедноты и батрачества—вот основная задача работы прокуратуры в деревне. В уголовном порядке должны преследоваться такие бы то ни было прямые или косвенные попытки подрыва национализации земли: купля-продажа земли, дарение и т. п. В уголовном порядке преследуются все виды субаренды земли. В кулацких хозяйствах неуклонно должен применяться в отношении наемного

труда КЗот, а в крестьянских хозяйствах с подсобным наемным трудом—„Временные Правила“.

В соответствии с этими задачами основным методом работы в деревне должна стать живая и действительная связь с крестьянским активом, с селькорами и другими общественными организациями, непосредственное общение с крестьянскими массами по злободневным вопросам быта деревни.

С массами и через массы—таков основной путь работы прокуратуры в деревне. Прежний метод: плановые и систематические обследования низовых соворганов был правилен на втором этапе развития работы прокуратуры в деревне. В настоящее время он изжил себя. Обследования могут носить лишь целевой характер, по отдельному конкретному поводу, если это вызывается жалобой, заявлениями и т. п.

Работа по установлению живой связи с массами, по созданию местного деревенского актива, в качестве опорного пункта надзорной деятельности прокуратуры, должна проводиться путем: бесед с руководителями местных партийных, советских и общественных организаций, деловых совещаний с группами бедноты при с/с, ККОВ в целях выявления кабальных сделок, ростовщичества, эксплуатации, лжекооперативов и т. д., путем связи с Союзом Всеработземлес и Сельхозтрудинспектурой; в беседах на сходах, в индивидуальных беседах, в проведении вечеров вопросов и ответов, где прокурор должен стремиться вызвать большие стороны жизни деревни; в содействии викам в организации правовых комиссий, вокруг которых сосредоточивается весь актив деревни и создается, таким путем, общественная база для укрепления ревзаконности в деревне; в докладах на заседаниях вигов с участием расширенного актива деревни о состоянии ревзаконности в данной волости; в регулярной информации вышестоящих директивных органов о состоянии ревзаконности в деревне на основании систематического изучения поступающих жалоб и других материалов и т. д., и т. д.

Эти тезисы были проработаны на 3 Всероссийском Совещании прокуроров и легли краеугольным камнем работы прокуратуры в деревне на 1928 год.

И. Драгунский.

Итоги выполнения местными прокурорами планов за 1-е и 2-е полугодия 1927 года.

I.

В 1926 г. планы местными прокурорами составлялись по-квартально. В директивном письме от 5 января 1927 г. за № 4 Прокуратура Республики, учитывая значительный опыт, накопленный на местах в области проведения плановости в работе, и имея в виду, что по-квартальной разработка планов и по-квартальная отчетность по ним связаны с отвлечением значительного количества времени работников прокуратуры и уже не вызываются необходимостью, во изменение ранее данных указаний о сроках представления планов, предложила планы составлять не по-квартально, а по полугодиям, и соответствующие материалы высылать в управление Прокуратуры Республики не позднее 25 января и 25 июля.

Таким образом, с января 1927 года все прокуратуры должны были перейти от квартальных планов к полугодовым. Следует, однако, заметить, что вследствие позднего получения упомянутого директивного письма на местах, часть губпрокуратур в течение 1-го полугодия 1927 г. продолжала работать по квартальным планам, и к полугодовым перешла только со 2-й половины 1927 г.

Это—одна из причин невозможности полного сопоставления материалов полугодовых планов за 1-е и 2-е полугодия 1927 г. по всем местным прокуратурам, и для настоящего анализа пришлось ограничиться сопоставлением этих материалов только по части прокуратур.

Другая причина, действовавшая в том же направлении (т.-е. в направлении сужения объема материалов, которые могли быть положены в основу настоящего анализа), связана с циркуляром НКЮ за № 95 от 14 июня 1927 г., точнее—с искажениями этого циркуляра при проведении его в жизнь. Как известно, в 1926 г. сведения

о плановости представлялись отдельно от литературных отчетов, что было неизбежно, пока существовали „ножницы“ между периодами, на которые составлялись планы (квартал) и литературные отчеты (полугодие). После того, как ножницы эти были уничтожены и от квартальных планов перешли к полугодовым, циркуляр НКЮ за № 95 от 14 июня 1927 г., имея в виду, что раздельное представление сведений по схемам построения плана и по литературной отчетности сопряжено с излишней затратой времени и сил, с излишней перепиской и, кроме того, с параллелизмом и повторением одних и тех же данных, в целях дальнейшего упрощения отчетности, предложил сведения по разработке и исполнению полугодовых планов впредь отдельно не представлять, но включать их в полугодовые отчеты по соответствующим разделам.

Новый порядок включения сведений о плановости в соответствующие разделы литературных отчетов, помимо тех соображений, которые указаны в циркуляре № 95, имел то преимущество, что цифровые схемы планов (как в части включения, так и в части наметки их на предстоящий период) становились более понятными, получали необходимое объяснение и освещение. Но в результате недостаточного усвоения указанного порядка некоторыми прокуратурами, с одной стороны, а отчасти и небрежного в некоторых случаях отношения к разработке сведений о плановости—с другой, по ряду отчетов получился разнобой, затруднявший и даже в некоторых случаях полностью исключивший возможность сопоставления соответствующих материалов для анализа. Разнобой этот сказался прежде всего в том, что некоторые отчетные сведения о плановости дали только в части разделов (между тем как, согласно точного указания циркуляра № 95, они должны даваться по всем разделам отчета, совпадающим с разделами схем плановости). Далее, в то время как часть отчетов дали суммарные сведения о выполнении планов, без подразделения их по губуправлениям и по участковым камерам, другие отчеты более точно выполнили требование циркуляра № 95, предполагающего дачу сведений о плановости по схеме № 3, которая, как известно, предусматривает особые графы для губуправлений и для участковых камер.

Наконец, только часть отчетов краевых и областных прокуратур дали (как это необходимо) сведения о выполнении планов, подразделяя эти данные по краевым, окружным и участковым камерам. Другие же, вместо этого, опять-таки ограничили суммарными цифрами.

Сказанное имеет значение не только для выяснения причин, в силу которых в основу настоящего анализа оказалось возможным положить данные лишь по 23 прокуратурам, но вместе с тем позволяет сделать практический вывод: 1) о необходимости устранить указанные недочеты, затрудняющие сопоставление и анализ материалов о плановости и коренящиеся преимущественно в недостаточном месте усвоения циркуляра № 95 и недостаточном серьезном месте отношении к разработке сведений о плановости, и 2) о целесообразности пересмотра указанного порядка включения сведений о плановости в соответствующие разделы отчетов. Дело в том, что на ряду с упомянутыми выше соображениями, говорящими за оставление и в дальнейшем этого порядка, имеются некоторые существенные соображения, говорящие за целесообразность выделения сведений о плановости из текста литературных отчетов в виде таблицы—приложения к ним. За такое выделение говорит желательность переработки литературной отчетности в сторону устранения из нее всякого дублирования статистических данных, а также некоторые технические затруднения, связанные с „пораздельным“ включением сведений о плановости в отчеты, как, например, необходимость каждый раз начинать с таблицы, а отсюда—повторение этих таблиц, а затем затруднительность сводки таблиц, разбросанных по различным разделам отчетов.

II.

Переходя к анализу выполнения планов за 1-е и 2-е полугодия 1927 г., как это уже отмечалось в обзоре о плановости за 1926 г., приходится вновь подчеркнуть, что меньше всего о степени фактической плановости в работе

можно и должно судить по так называемым суммарным процентам выполнения плана в целом или даже по суммарным процентам выполнения определенных комплексов работ, из которых складываются основные разделы плана (скажем о руководстве, общественно-политической работе, общем надзоре и т. п.).

Поэтому нельзя судить о плановости по суммарным процентам, что сплошь и рядом высокий суммарный процент получается в результате не хорошей, а безусловно плохой плановой работы, в результате выполнения сверх плана работ менее важных и менее сложных за счет резкого недо-выполнения плана работ более существенных и более сложных.

В качестве довольно яркой иллюстрации того, как иногда получается „приличный“ суммарный процент выполнения плана, можно привести материалы о плановости по Вотской областной прокуратуре за 1-е полугодие 1927 г. по части следственной работы. Данная работа показана выполненной на 103,7%.

Но получала такой процент из следующих слагаемых:

	Предположено	Выполнено
Обследований следственных камер	9	4
Инструктивных совещаний	0	0
Просмотр наблюдательных	36	48

Итак, самое существенное—обследования следственных камер—выполнено здесь менее чем на 40%, инструктивные совещания полностью отсутствуют, но так как вместо 36 находящихся под дуком наблюдательных производств, просмотрены 48, то и получился высокий суммарный процент (103,7) выполнения следственной работы. Ясно, что если выводы строить на основании этого суммарного процента, то получилось бы совершенно неточное и даже превратное представление о действительном удельном весе проделанной работы в области руководства следствием. Не менее характерные данные о выполнении плана работы в области дознания по Сталинградской губкамере:

	Предположено	Выполнено
Обследований	25	14
Лекций	0	12

Складывая числа по графам „предположено“ и „выполнено“, губпрокуратура выводит суммарный процент выполнения плана 104%. Можно, далее, указать практику одного из уездных помпрокурора Московской губ., который в течение 2-го полугодия 1927 г. произвел все намеченные планом 13 выездов в волости, но при детальном анализе это о стопроцентного выполнения плана выездов оказалось: это 6 выездов приходится на пригородную волость, центр которой находится в уездном центре и куда выезжать не приходилось, а отдаленных волостей вообще не посещалось или посещались 1 раз в течение года.

И таких иллюстраций можно было бы привести немало. Сказанное объясняет, почему для правильного анализа приходится преимущественно оперировать не суммарными процентами выполнения планов, а процентом выполнения отдельных конкретных работ, из которых складываются различные основные отрасли прокурорской работы. С другой стороны, указанное положение может и должно быть учтено и в процессе текущего руководства участковыми помощниками со стороны губернских (краевых и окружных) камер. На практике, действительно, приходится встречать факты, когда оценка планов участковых камер производилась преимущественно по суммарным процентам выполнения, а, следовательно, производилась поверхностно и неправильно. Довольно часто, между прочим, это наблюдалось при ревизиях, и этот пробел вызывал соответствующие указания со стороны Прокуратуры Республики.

Задачи заключаются в том, чтобы полностью устранить из практики подобного рода поверхностные оценки плановости, базирующиеся на суммарных процентах выполнения планов, и оценку основывать на изучении всех тех наиболее существенных слагаемых, из которых обычно суммарные итоги складываются. Это, конечно, не значит, что суммарные проценты лишены какого бы то ни было значения при анализе плановости. В известных условиях и суммарные проценты являются показательными, но только с весьма большими оговорками и коррективами в связи с данными о выполнении отдельных конкретных работ.

Сопоставление суммарных процентов выполнения плана за 1 и 2 полугодия 1927 г. дает по части прокуратур повышение, а по другим, наоборот, снижение. Так, если иметь в виду губернские управления, то повышение суммарного процента выполнения планов во 2 полугодие 1927 г. имело по Калужской губ. (с 93% до 132%), по Смоленской (с 19% до 103%), Тамбовской (с 87% до 92,6%), Ульяновской (с 99% до 125%), Сев.-Двинской (с 81,6% до 93,7%), ДВК (с 74% в 1 полуг. 1927 г., 91,2% во 2 полуг. 1927 г. и 100,8% во 2 полуг. 1927 г.), Сибири (с 79% до 81,5%). Наоборот, снижение суммарного процента выполнения плана имеем по губуправлениям прокуратур Иваново-Вознесенской губ. (с 97% до 80,6%), Оренбургской (с 109,7% до 100,4%), Рязанской (с 98,8% до 93,1%), Сталинградской (с 82% до 74,4%), Тверской (с 108% до 105%), Астраханской (с 101% до 91%), Владимирской (с 117% до 100%).

Таким образом, довольно значительное число губуправлений дает снижение суммарного процента выполнения планов во 2 полуг. 1927 г. сравнительно с 1 полуг. 1927 г., но из сказанного о значении суммарного процента ясно, что движение его (повышен или снижено) само по себе еще не позволяет делать определенных выводов на счет фактического ухудшения или улучшения самой плановости.

В отношении участковых камер движение суммарного процента также дает довольно пеструю картину по различным прокуратурам и притом не совпадающую с картиною движения суммарного процента по губуправлениям соответствующих прокуратур. Так, наряду с повышением его по участкам Владимирской губ. (с 51% до 84%), Вологодской (с 79% до 81,3%), Вознесенской (с 107% до 114,8%), Пензенской (с 96,5% до 100%), Рязанской (с 78,4% до 81,9%), Сталинградской (с 92% до 98,9%), Тамбовской (с 76% до 77,4%), Ульяновской (с 92,5% до 105,2%), имеем снижение по Оренбургской губ. (с 103,1% до 100,3%), Смоленской (с 122,9% до 98%), Тверской (с 117,7% до 103,3%).

Картина движения суммарных процентов выполнения планов, вместе с тем, позволяет сделать вывод о большей сравнительно с 1926 г. равномерности процента по отдельным губерниям. Колебания (с 81,5% до 136%) гораздо меньше, чем это имело место в 1926 г. по исполнению квартальных планов.

III.

Движение процента выполнения планов по отдельным основным отраслям прокурорской работы дает основание для вывода лишь о некотором ослаблении, а отнюдь не о полном устранении диспропорции между отдельными отраслями работ.

В отношении губернских (областных) управлений прокуратур имеем, например, такие данные.

В Архангельской губпрокуратуре при выполнении работы по общему надзору на 93,3%, работа следствия выполнена всего лишь на 40%. То же и в Иваново-Вознесенской губпрокуратуре во 2 полуг. 1927 г., где ниже всего процент выполнения в области следственной работы (18,8% при 90,8% выполнения работы по общему надзору); в Смоленской губ. следственная работа выполнена на 91%, а по общему надзору на 116%. Резкое и единичное исключение представляет Владимирская губпрокуратура, где процент выполнения следственной работы значительно превышает процент выполнения работы по общему надзору (220 и 73%).

Таким образом, тенденция к отодвиганию на второстепенный план следственной работы, перегиб в сторону общего надзора некоторыми губпрокуратурами не были изжиты и в 1927 г.

Но, надо заметить, что в действительности колебания имели место в гораздо более резком масштабе, чем об этом можно судить из приведенных суммарных процентов по целым отраслям работы. Если взять проценты выполнения отдельных конкретных работ, то картина колебаний выступает более рельефно. В Ленинградской области имеем выполнение плана камерных совещаний на 320%, выступлений в УКО—501%, выполнение плана выступлений в собраниях—33,3% и в печати—20%. В Псковском округе процент выполнения отдельных плановых заданий колеблется от 25 до 200%, при чем из 39 объектов по 8 выполнение было ниже 80%, на 9 выше 110%. Из 36 объектов плана Новгородского округа только на 18%, план выполнен нормально. Весьма характерны следующие данные о выполнении плана по Ярцевскому

уезду: 132%—по общ.-полит. работе, 142%—по общему надзору, 25% по инструктажу общественных обвинителей и 33,3%—по обследованию следственных камер.

В уездах Вятской губ. имеем 100% выполнения плана в части докладов, 80%—в части обслуживания гражданского процесса.

Можно было бы привести целый ряд других аналогичных иллюстраций, но и приведенные, думается, с достаточной категоричностью указывают на то, что добиться равномерного выполнения плана по отдельным областям работы еще пока не удалось и достижения этого все еще составляет одну из актуальных задач дальнейшего руководства. Практическое значение устранения диспропорции заключается не только в более равномерном распределении рабочего времени по отдельным отраслям работы соответственно удельного значения каждой из них, но и в достижении большей фактической плановости, так как нельзя серьезно говорить об удовлетворительной плановости там, где план в одной части выполняется на 25%, а с другой на 400%.

Вопрос о максимальном устранении диспропорции в выполнении отдельных плановых заданий есть один из коренных вопросов фактически планового построения работы вообще; наличие резкой диспропорции определенно указывает на значительные дефекты разработки планов и на нереальность их выполнения, определенно указывает на то, что значительная часть работы идет помимо плана.

IV.

Какие из отдельных конкретных видов работ наименее благополучны с точки зрения плановости, и, наоборот по каким процент выполнения наиболее устойчив и высок?

К числу наименее благополучных в смысле плановости видов работ относятся:

1) Совещания с общественными обвинителями, в особенности в участках. По 23 губпрокуратурам выполнение выразилось:

	Предположено	Выполнено
1 п. 1927 г.	242/663	144/455
2 п. 1927 г.	270/970	273/662

Примечание. Числитель — губуправления, знаменатель—участки.

Если по губкамерам все же встречаем отдельные прокуратуры с более или менее удовлетворительным выполнением плана по инструктажу общественных обвинителей, как, например, Иваново-Вознесенская губ. (6/35 и 4/35), Костромская губ. (26/24 и 35/24), Рязанская губ. (6/6 и 6/6), Смоленская (6/6 и 6/6), Тверская (6/12 и 12/13), и в общем 2 п. 1927 г. дает здесь даже некоторое превышение плановых заданий (270 и 273), то по участкам резкое недовыполнение плановых заданий составляет правило, исключения из которого крайне редко, как в 1, так и во 2 п. 1927 г. К числу таких исключений во 2 п. 1927 г. относятся участковые прокуратуры Владимирской губ. (предположено 21, выполн. 22), Курской (14 и 30), Марийской (13 и 24).

2) Немногом лучше обстоит дело с участием в совещаниях сельских, которых было предположено по участкам тех же 23 прокуратур в 1 п. 1927 г. 241, а выполнено 180, во 2 п. 1927 г.—342, выполнено—193. По губкамерам те же цифры соответственно дают: предположено 48 (1 п. 1927 г.) и 73 (2 п. 1927 г.), выполнено 41 (1 п. 1927 г.) и 45 (2 п. 1927 г.).

3) Следующий вид работ с устойчивым недовыполнением плана—обследования сельсоветов. По губкамерам имеем: предположено 141 (1 п. 1927 г.) и 195 (2 п. 1927 г.), выполнено 146 (1 п. 1927 г.) и 125 (2 п. 1927 г.). По участкам: предположено 1.664 (1 п. 1927 г.) и 2.005 (2 п. 1927 г.), выполнено 1.346 (1 п. 1927 г.) и 1.558 (2 п. 1927 г.). Из 23 губерний только по 3 план обследований сельсоветов во 2 п. 1927 г. выполнен полностью (Владимирская, Смоленская и Тверская).

4) Проверка производств об административных взысканиях. Если взять участковые камеры по 23 прокуратурам, то только по 6 губерниям в 1 п. 1927 г. и по 4 во 2 п. 1927 г. имеем полное выполнение плановых заданий, по остальным—восьма резкое недовыполнение, как, например, в Московской губ. во 2 п. 1927 г. (136 вместо 241), Орловской (19 вместо 37).

5) Обследование следственных камер со стороны участковых помощников, план которых из 23 губ. полностью выполнен в 1 п. 1927 г. только по 8, а во 2 п. 1927 г.—

по 6 губерниям; по прочим встречается также резкое недоовыполнение, как, например, во 2 п. 1927 г. по Архангельской (33 вместо 59), Нижегородской (23 вместо 49), Саратовской (59 вместо 88).

6) Участие в гражданском процессе в нарсуде (план в участках выполнен в 1 п. 1927 г. по 6, а во 2 п. 1927 г. по 7 из 23 губ.).

7) Участие в наблюдательных комиссиях в уездных камерах; так, например, за 2 п. 1927 г. только по 3 губ. выполнен план данной работы в участках.

8) Уездные совещания по борьбе с преступностью: за исключением Калмыцкой обл., в которой в 1 п. 1927 г. проведены 13 совещаний вместо 8 предполагавшихся по плану, во всех прочих план недоовыполнен и притом в таком объеме, как, например, по Иваново-Вознесенской губ. (8 вместо 16), Орловской (11 вместо 22), Смоленской (13 вместо 29). Во 2 п. 1927 г. план уездных совещаний выполнен только по Оренбургской, Тамбовской и Ульяновской губерниям, в прочих недоовыполнения не менее резки, чем в 1 п. 1927 г.

Наоборот, к числу отдельных видов работ, процент выполнения плана по которым представляется достаточным и устойчивым по большинству из указанного выше числа прокуратур, относятся:

1) Выступления с докладами. Только по 4 губерниям в 1 и 2 п. 1927 г. в участках имеем недоовыполнение намеченного по плану числа докладов, в прочих план выполнен со значительным превышением, как, например, 2 п. 1927 г. в Архангельской губ. (273 вместо 168), Иваново-Вознесенской губ. (234 вместо 153), Самарской (603 вместо 337), Вотской обл. (168 вместо 75). Та же приблизительно картина и по губернским камерам (невыполнено по 6 губерниям).

2) Созыв камерных совещаний; только по 10 губпрокуратурам имеем в большинстве незначительное недоовыполнение.

3) То же о вызовах участковых помощников.

4) Выезды в волость (недоовыполнение только по 5 губерниям в 1 п. 1927 г. и по 7 во 2 п. 1927 г. в губкамерах и по 3 в 1 п. 1927 г. и 5 во 2 п. 1927 г. в участках).

5) В меньшей степени сюда относится участие в заседаниях исполкомов и административных органов, процент выполнения которого особенно снижается во 2 п. 1927 г., очевидно в связи с соответствующей директивой НКЮ (в 1 п. 1927 г. в участках недоовыполнен по 9, а во 2 п. 1927 г. по 13 губ.).

6) Наиболее благополучной в смысле выполнения плана является работа губкамер по посещению мест заключения (недоовыполнения здесь незначительны и встречаются в виде исключения), в участках дело обстоит иначе и здесь, например, во 2 п. 1927 г. по значительной части прокуратур имеются недоовыполнения.

7) То же и относительно участия в распределительных комиссиях (незначительное недоовыполнение во 2 п. 1927 г. только по 3 губ.).

Что касается прочих видов работ, то выполнение плана по ним дает пеструю картину по различным губерниям, и в движении процента выполнения здесь трудно найти какую-либо общую закономерность. Колебания здесь показывают не что иное, как различную степень внимания, оказывавшуюся различными прокуратурами данной группы работ, а иногда отражают специфические условия, в одних прокуратурах благоприятствовавшие, а в других препятствовавшие выполнению плана (как, например, болезнь камерных или участковых помощников, отвлечение их для каких-либо других серьезных работ и т. п.).

Приведенный выше анализ отдельных работ, благополучных и неблагополучных, в смысле плановости не требует каких-либо комментариев в отношении тех практических выводов, которые из него следуют. Приведенный анализ указывает, какие участки работы надо усилить, с поправками в отношении тех немногих отдельных видов работ, которые потеряли свое прежнее значение в связи с переходом к новым методам в работе в деревне по общему надзору.

У.

Мы видели, каковы основные достижения и дефекты выполнения планов в 1927 г.

В значительной мере они обусловлены качеством составления, разработки плана. Анализ замечаний, которые по планам давались Прокуратурой Респуб-

лики в 1 и 2 п. 1927 года, а также анализ ревизионных и отчетных материалов за те же периоды, выявляет ряд основных недочетов, еще не повсеместно изжитых в самой разработке и планов и часто совпадающих с теми, которые в свое время отмечены были в директивном письме НКЮ от 4 января 1927 г. по материалам за 1926 год.

Одним из таких недочетов, имеющим, впрочем, преимущественное отношение к пользованию схемой, является то, что часть прокуратур продолжает группировать работу не тематически, а по отдельным исполнителям. Неудобство такой системы заключается в том, что, во-первых, благодаря такому разному затрудняется обобщение материалов о плановости с мост, а, во-вторых, такая система построения плана не дает возможности схватить общую перспективу работы, ориентируясь не на отдельные ее задания („темы“), а на отдельных исполнителей. Поэтому необходимо признать правильной ту систему, которая дается схемой НКЮ и которая сводится к тематическому построению. Далее, в планах попрежнему продолжают встречаться пробелы по части указаний конкретного времени исполнения предусмотренных планом заданий. Далеко не редкость такие, например, указания в планах, как:

— „Осмотр дознаний произвести 2 раза в плановый период“.

— „Ознакомиться с работой юрбюро—к 1 мая, произвести ревизию N участка—август-сентябрь и т. д.“.

Фактически отсутствие точных и конкретных определений времени исполнения плановых заданий означает, что работа идет вне плана, не говоря уже, что при таких условиях невозможно обеспечить равномерную нагрузку работников во времени. Неизбежны чрезмерное нагромождение различных работ в одни периоды и недогрузка других. В виду этого представляется необходимым все те плановые задания, срок выполнения которых заранее поддается точному учету, строго учесть во времени, и вообще при разработке плана иметь в виду необходимость уделения самого тщательного внимания рас- планированию и строгой уязке сроков отдельных работ.

В тесной связи с неконкретностью в определении сроков исполнения плановых заданий находится неконкретность в определении самих плановых работ. Правда, она встречается реже, чем в 1926 году, но все же встречается довольно часто. Таких неконкретных заданий краевая прокуратура ДВК отметила по Владивостокской окрпрокуратуре—9, Амурской—6, Хабаровской—5, Читинской—3. В качестве иллюстрации такого рода определений плановых заданий можно, например, привести такое, как „продолжать оказывать содействие органам, проводящим снижение цен“.

Ясно, что такого рода характера формулировка ничего общего не имеет с конкретным и поддающимся контролю и проверке плановым заданием.

В значительной степени указанные недочеты объясняются недостатком серьезного отношения части работников к разработке планов, рассматриваемых кое-где как один из придатков канцелярской отчетности. Неполный охват работы, требуемый директивами вышестоящих органов прокуратуры и, наряду с этим, внесение в план таких заданий, которые не входят в компетенцию прокуратуры,—таков следующий распространенный дефект целого ряда планов. Вносятся в планы такие задания, как, например, дача указаний сельсоветом и РИК'ом по борьбе с кабальными сделками, обследования больницы, участие в различного рода комиссиях административных органов, в то же время намечается недостаточное число выездов в деревню и т. п. Попутно необходимо отметить и то, что в ряде случаев планы строятся без учета политических моментов, без учета предстоящих политических кампаний, несмотря на то, что речь идет о тех кампаниях, предвидеть которые можно и должно было. В тесной связи с этим надо поставить и недостаточность инициативных моментов, которая отрицательно характеризует целый ряд планов. Получается такое впечатление, что некоторые буквально следуют схеме, забывая, что схема дает лишь примерный, а отнюдь не исчерпывающий перечень заданий, что схема имеет в виду устранить разноречивость в построении планов, но отнюдь не подавить инициативу мест.

Л. Н.